

Булгарин и вокруг

А.И. Рейтблат

Аннотация: В своих обширных «Воспоминаниях» (1846–1849) Ф.В. Булгарин не дошел до периода своей литературной и редакторской деятельности. Однако републикуемые мемуарные фрагменты из его забытых фельетонов в газете «Северная пчела» содержат сведения о русских писателях первой половины XIX века, с которыми он был хорошо знаком, уточнения к биографическим публикациям о них, характеристики их творчества.

Ключевые слова: Ф. Булгарин, мемуаристика, литературные биографии

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская библиотека искусств, Москва, Россия: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

В центре отечественной историко-литературоведческой науки с самого ее возникновения — писатели, условно говоря, верхнего слоя литературы, составившие канон русской классики.

Собственно, сама эта наука внесла немалый вклад в формирование и поддержание данного канона. Все, что не входило в него, почти не удостоивалось внимания исследователей, а если и становилось предметом изучения, то, как правило, именно в аспекте связей с писателями из канона. Из литераторов первой половины XIX века в число классиков вошли литераторы-любители, которые жили за счет службы или поместья. Писательство не было главным предметом их занятий, поэтому печатались они мало, литературные доходы (если они и были) служили им лишь в качестве некоторого дополнения к основным источникам средств. Другой литературный слой — профессиональные литераторы, главным образом журналисты, которые со второй половины 1830-х годов преимущественно обеспечивали материалом для чтения русскую читающую публику, были презрительно названы коммерческими и почти не изучались. В результате такие ключевые для русской литературы и журналистики фигуры, как Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, Н.В. Кукольник, П.П. Свиньин, не говоря

уже о таких литераторах, как К.П. Масальский, Р.М. Зотов, А.В. Тимофеев и др., по сути выпали из круга исследовательского внимания, и эмпирический материал о их жизни и деятельности введен в научный оборот лишь в очень небольшой степени. Ситуацию несколько изменил биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917», но представленные в нем сравнительно краткие статьи в полной мере проблему не решают. Данная коллективная рубрика ставит своей задачей публикацию документальных материалов о литераторах этого «журнального» слоя литературы. В известном смысле она служит продолжением намеченного в более широких рамках проекта «Булгаринского номера» «Нового литературного обозрения» (1999. № 40).

1. Воспоминания Ф.В. Булгарина о писателях (из «Северной пчелы»)

Значительную часть литературного наследия Ф.В. Булгарина составляют мемуары, в частности лучшая его книга «Воспоминания» (Ч. 1–6. СПб., 1846–1849). К этому жанру Булгарин обратился довольно рано. Уже в первой половине 1820-х гг. он публиковал в «Северном архиве» небольшие мемуарно-некрологические заметки, а со второй половины этого десятилетия регулярно выступал с воспоминаниями, среди которых такие заметные публикации, как «Встреча с Карамзиным» (1828), «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» (1830), «Театральные воспоминания моей юности» (1840), «Воспоминания об И.А. Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений» (1845), «Поездка в Грузино в 1824 году» (1846). Однако помимо этих хорошо известных и широко используемых текстов он поместил в «Северной пчеле» десятки других мемуарных очерков, посвященных военным, писателям, актерам и т.д. — как отдельных и нередко довольно обширных, например, «Воспоминания о Василье Андреевиче Каратыгине» (1853), «Краткий биографический очерк генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского» (1848), так и более кратких, включенных в его фельетоны из цикла «Журнальная всякая всячина». Последние малоизвестны и редко учитываются историками, литературоведами и театроведами. Принято считать, что публикация архивных материалов гораздо ценнее републикации ранее печатавшихся текстов. В какой-то степени это верно, но нередко опубликованные тексты доступны меньше, чем неопубликованные. Дело в том, что применительно к архивам исследователь располагает обзором фондов, их описями, картотеками авторов (а в некоторых архи-

вах и упоминаемых имен) и т.д. Газеты же «раскрыты» гораздо хуже. Библиографические росписи имеются по очень немногим изданиям, а тематических библиографических указателей почти нет. Так, указатель мемуарных публикаций, подготовленный С.Р. Минцловым¹, включает лишь ничтожную часть воспоминаний, печатавшихся на страницах русских газет.

В этом номере ЛФ мы републикуем несколько болгаринских мемуарных фрагментов из «Журнальной всякой всячины», посвященных русским писателям, с которыми Булгарин был хорошо знаком. Учитывая журнальный характер публикации, причем в профессиональном издании, широкоизвестные персонажи, например Н.И. Греч, А.Ф. Смирдин, А.С. Шишков, не комментируются. В библиографических описаниях «Северная пчела» указывается сокращенно: СП.

¹ См.: Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911–1912. Вып. 1–5.

[О.И. СЕНКОВСКИЙ]

Некоторые почитатели покойного Осипа Ивановича Сенковского, желая составить полную его биографию¹, просят всех знавших его сообщить известные им о нем сведения не позже 1 сентября сего года в книжный магазин А. Смирдина сына² и Комп. Я знал покойного О.И. Сенковского с начала 1817 года³, т.е. сорок с лишком лет, прочел все, что он написал по-русски, по-польски и по-французски, и могу утвердительно сказать, что находился с ним всегда в самых коротких отношениях. И на этот торжественный вызов гг. почитателей покойного Сенковского обязан я сказать все, что знаю.

Обращаюсь сначала к почитателям О.И. Сенковского с краткою речью: «Каких же сведений о покойном требуете вы, господа, когда в Справочном энциклопедическом словаре, изданном под редакциею А. Старчевского (том IX, часть II, на странице 370 до 377)⁴ премелким шрифтом напечатана полная и преполная биография О.И. Сенковского?» В этой биографии род Сенковских выведен из известного рода *Сарбевских*, в котором процветал знаменитый поэт *Сарбевский* (Sarbevius)⁵. Исчисление предков его начинается со времен польского короля Сигизмунда I⁶. По исчислению всех предков покойного Осипа Ивановича видно, что многочисленные отрасли Сенковских

из Сарбева, из Великого Сенкова, из Болемина, из Войнова⁷ были, по уверению биографа, близкие между собою родственники. В этом жизнеописании прибавлено, что все они были *великие писатели* и люди *близкие к польской королевской фамилии* и что один из Сенковских был другом Коперника и Гозиуса⁸. Чудное сочетание великих мужей в одном роде! Дед О.И. Сенковского, по удостоверению биографа, находился в *тесных дружеских связях* с бывшим королем польским Станиславом Понятовским⁹, а отец Осипа Ивановича, по словам биографа, камергером короля, славился с ранних лет отличным образованием и необыкновенным остроумием. Женщины в роде Сенковских, по словам биографа, были немки, итальянки и француженки. Вступление в биографию О.И. Сенковского – настоящая «Илиада»! Недостает только доказательства происхождения героя от Юпитера. Но мы, благоговей пред возгласами биографа, осмелимся сказать, что слышали от покойного нашего дяди, подконюшего Великого княжества Литовского и маршала трибунальского Павла Булгарина¹⁰, как он, рассказывая самому О.И. Сенковскому об его отце, припоминал, что отец Сенковского, родовой дворянин, служил прежде у известного богача Тизенгауза¹¹, потом исправлял у моего дяди звание комиссара, или эконома в поместье его. Это несколько не унижает Осипа Ивановича, потому что в старинной Польше обедневшие члены весьма хороших фамилий служили у других богатых дворян, хотя и обедали за одним столом с ними и составляли общество хозяина (*jak wolny z wolnym, jak równy z równym*¹²).

По окончании курса наук в Минской гимназии¹³ О.И. Сенковский поступил в Виленский университет и, оказав необыкновенные успехи в науках, обратил на себя внимание профессоров университета, славившихся тогда в Вильне. В это время Сенковский, пристрастившись к восточным языкам, познакомился с одним ученым татаринном и под его руководством перевел с арабского на польский язык басни Пильпая, снабдил их комментариями и напечатал¹⁴. Виленский университет не имел тогда профессора восточных языков, и этот перевод Пильпая подал мысль ученым основать в университете кафедру восточных языков, на что с радостью согласился бывший тогда попечителем университета князь Адам Адамович Чарторийский¹⁵, пользовавшийся особенною милостию Императора Александра Павловича. Образованная публика, которая на зиму собиралась в Вильне и всегда живо сочувствовала успехам тамошнего университета, содействовала исполнению этого предприятия. Добровольными складчинами собрана была значительная сумма, чтоб отправить О.И. Сенковского на Восток для изучения восточных языков, с одним только условием,

чтобы он издал, на польском языке, знаменитое сочинение д'Оссона о Турции, с комментариями¹⁶. В 1819 году Сенковский отправился в Константинополь, а оттуда на Ливанские горы, где, между племенем друзов¹⁷, жил известный ученый ориенталист Арида¹⁸. В Ливанских горах Сенковский изучил древний арабский язык и новое его наречие, также и язык турецкий. Потом совершил путешествие по Египту и Нубии. Из Константинополя послал в виленский журнал («Dziennik Wileński») статью о своем путешествии из Вильны до Одессы, в которой описаны помещичий быт и состояние поселян в губерниях, от Польши присоединенных. В этой статье жестоко отделаны все помещики, которые подписались на его путешествие¹⁹. Некоторое время О.И. Сенковский находился при нашей миссии в Константинополе, под начальством посла нашего в Турции барона (впоследствии графа) Г.А. Строгонова²⁰. В конце 1821 года, при разрыве с Турциею, Сенковский возвратился в Вильну, но вооружив против себя прежнею статьею всех виленских ученых и виленскую публику, нашел весьма неблагоприятное к себе расположение. Мысль об определении его профессором восточных языков в Вильне была весьма отринута — хотя его биограф в «Справочном энциклопедическом словаре» и утверждает, что ему предоставлено было это место²¹. При таком расположении виленского общества Осип Иванович решился отправиться в Петербург и прибыл сюда в 1823 году²². На другой день по прибытии он навещал меня. Я должен был поделиться с О.И. Сенковским, как говорится, *последними крохами*, и он принял за то участие в моих трудах. Первая статья его, напечатанная в «Сыне Отечества», наделала много хлопот. Сенковский написал известие о путешественнике по Египту г. Бельзони²³, опровергая все его заслуги и достоинства²⁴. И в это самое время Бельзони прибыл в Петербург. Трудно себе представить, до какой степени ожесточился Бельзони! Он непременно хотел убить Сенковского, и мне стоило немало труда и хлопот успокоить раздраженного италиянца²⁵.

В начале 1824 года навещал я бывшего тогда попечителем С. Петербургского учебного округа Дмитрия Павловича Рунича²⁶ и застал его, пишущего письмо в Вену, к известному ориенталисту Гаммеру, с просьбою прислать ориенталиста для замещения гг. Деманжа и Шармуа²⁷, которые в это время перешли из университета в Министерство иностранных дел. Узнав о содержании письма, я сказал Руничу, что он может заменить этих иностранных профессоров русским подданным, который на счет виленского дворянства обучался восточным языкам на месте и находится теперь в Петербурге. Д.П. Рунич весьма обрадовался этому известию и поручил мне на другой же день при-

везти к нему молодого ориенталиста. Я исполнил поручение. Сенковский отправлен был к академику Френу²⁸ для испытания и вслед за тем определен ординарным профессором восточных языков в С. Петербургском университете²⁹. В 1826 году Сенковский издал на польском языке сочинение под заглавием «Collectanea» или извлечение из турецких летописей разных отрывков, касающихся до сношений и столкновений Турции с Россией и Польшею³⁰. Эта книга произвела величайшее негодование во всех провинциях, составлявших древнюю Польшу. Все ложные и превратные рассказы турецких историков относительно сношений Турции с Польшею представлены были Сенковским как сущая правда, и польские победы над турками превращены в поражения. В 1828 году Осип Иванович издал, на французском языке, забавную, но при том злую статью против известного венского ориенталиста Гаммера, написавшего книги: «Des origines russes» и «Supplément à l'Histoire des Huns, des Turcs et des Mogs»³¹. В 1830 г. издал он перевод, или правильнее, переделку романа Мориера, под заглавием: «Гаджи-Баба», который имел два издания³². В то время О.И. еще плохо владел русским языком, и перевод его был исправлен или, лучше сказать, переделан Н.И. Гречем. В 1829 г. Сенковский назначен был членом ценсурного комитета, в котором звании находился до 1833 года³³. Он был отличный цензор, руководствовал и предостерегал писателей, стараясь по возможности расширить круг их деятельности. После издания «Гаджи-Баба» Сенковский начал писать по-русски и помещал статьи в издававшихся тогда альманахах и журналах³⁴. Он особенно был замечателен так называемым юмором (humour); хотя многие статьи его не отличались безукоризненной чистотою и правильностью слога, но везде проявлялись его ум, начитанность, познания и наблюдательность. Так называемой *сердечной стороны* в его сочинениях вовсе не заметно. В 1833 году начал он издавать журнал «Библиотека для чтения» с книгопродавцем А.Ф. Смирдиным, который взял на себя все издержки. В первом году издания (1834) участвовал в нем Н.И. Греч.

Не стану разбирать подробно «Библиотеки для чтения»; скажу только, что между многими остроумными ее статьями было бесчисленное множество парадоксов и вообще несправедливых мыслей и суждений. Не зная вовсе России и нравственного ее состояния, изучив русский язык только поверхностно, в зрелом возрасте, Осип Иванович вздумал быть *преобразователем* и *законодателем* русского языка! Сенковский начал свое *преобразование* русского языка с уничтожения местоимений *сей* и *оний!*³⁵ Это понравилось молодым писателям. Между тем употребление этих местоимений не противно

духу русского языка, и иногда одно такое местоимение дает, как говорится, тон целой речи. Все юмористические статьи он стал подписывать вымышленным прозвищем *Барон Брамбеус*. Это прозвище пришло ему в голову при следующем случае. Однажды он пришел ко мне и застал моего мальчика Ефимку, читающего в передней сказку о *Францыле Венециане*³⁶. Сенковский взял книгу и нашел в ней прозвище *Брамбеус*; оно ему чрезвычайно понравилось; он вошел ко мне в комнату с хохотом, повторяя: «Брамбеус! Брамбеус!» и потом усвоил себе этот псевдоним. «Библиотека для чтения», несмотря на все несообразности и множество в ней неправды, была журналом занимательным, когда ею заведовал сам Осип Иванович. По несчастию, большей части его изысканий нельзя верить на слово. Ни с одним литератором ни в Вильне, ни в С. Петербурге не был он никогда в дружеских, близких отношениях и всегда, так сказать, жил *особняком*. Только я был так счастлив, что с 1817 года, до самой своей смерти, О.И. Сенковский никогда не писал против меня, так чтобы поколебать мой литературный авторитет. Напротив, я, грешный, иногда не мог вытерпеть его ложных выходов и писал против него в «Северной пчеле»³⁷. Надобно отдать справедливость Осипу Ивановичу, что он никогда за это на меня не гневался и при встрече всегда с улыбкою говорил: «Перестань горячиться из пустяков!» Впоследствии, как известно, Сенковский избрал в соиздатели «Библиотеки для чтения» г. А. Старчевского, который, вероятно, из благодарности к Осипу Ивановичу, поместил в изданном им Справочном энциклопедическом словаре (Том IX. Часть II. Стр. 370—377) так называемую биографию Сенковского. Право не знаю, как назвать эту статью! Полагаю, что ни в одном из языков всего мира нет статьи, в которой все было бы искажено и изложено таким превратным образом. Всем известно, что Сенковский знал языки русский, польский, латинский, французский, арабский и турецкий. И этого уже довольно для ученого человека. Но кроме того весьма порядочно разумел языки итальянский и английский. Только один немецкий язык ему никак не давался. Послушайте его панегириков. Господин А. Старчевский уверяет (Справочный энциклопедический словарь. Том IX. Часть II. Стр. 371), что Сенковский, будучи уже профессором Петербургского университета, изучал: китайский, монгольский, манджурский, тибетский, санскритский и многие другие языки. Новый редактор «Библиотеки для чтения» (в книжке за апрель сего года) в похвальном слове основателю этого журнала³⁸ утверждает, что Сенковский знал совершенно *немецкий* язык и удивлял медиков своими познаниями в области медицинских наук. Это точно такая же правда, как и пока-

зание, что Сенковский знал санскритский язык! Но удивляюсь, как он при жизни своей позволил господину А. Старчевскому напечатать себе заживо панегирик, основанный на лжи и проникнутый хитро-сплетениями. Нет спора, что Осип Иванович знал много, но зато г. Старчевский написал о нем такие небылицы, какие не могли бы даже войти в хорошо составленную сказку. Ожидаем полной биографии О.И. Сенковского, человека ученого, умного, но более остроумного, трудолюбивого, деятельного, обладавшего многосторонними и разнообразными сведениями, вообще человека с большими дарованиями, но... довольно о нем; придерживаюсь буквально сказанного Стерном: «Варвара мне тетка, а правда сестра»³⁹. Dixi!⁴⁰

Печатается по: Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1858. № 95. 5 мая.

Биографические сведения об О.И. Сенковском см. в нашей статье о нем: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 572–580.

¹ По-видимому, речь идет о П.С. Савельеве, который писал предисловие к Собранию сочинений Сековского, см.: *Савельев П.* О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 1. С. XI–СХII. Возможно, имеется в виду и вдова Сенковского, которая работала над книгой: *Сенковская А.А.* Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус): Биографические записки его жены. СПб., 1858.

² Имеется в виду Александр Александрович Смирдин (1834–1862), унаследовавший после смерти А.Ф. Смирдина его книготорговое дело.

³ Булгарин познакомился с Сенковским в Вильне, когда жил там, посещал вольнослушателем Виленский университет и вступил в Общество шубравцев, членом которого был и Сенковский. После приезда Сенковского в Петербург в 1819 г. Булгарин находился с ним в приятельских отношениях, печатал в «Северном архиве» (1822. № 1, 5, 7, 16; 1826. № 1) и «Северной пчеле» (1827. № 105–110, 129–133; 1828. № 72–78; 1833. № 4, 17, 137, 152, и др.). Сенковский цензурировал «Северную пчелу» в 1829–1830 гг. и книги Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830), «Сочинения» (Ч. 12. СПб., 1830), «Картина войны России с Турцией [...]» (СПб., 1830), «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831). В дальнейшем, когда с 1834 г. Сенковский стал редактировать журнал «Библиотека для чтения», отношения стали более сложными. Хотя Булгарин и печатался в «Библиотеке для чтения» (см.: 1834. Т. 1, 4, 6, 8; 1838. Т. 28; 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82, и др.), но они с Сенковским то раздражались преувеличенными похвалами друг другу, то выступали с резкими нападками (об их взаимоотношениях см.: *Jablonowski A.* Orientalista Sękowski w korespondencji z Lelewelem // *Jablonowski A.* Pisma. Т. 7. Warszawa, 1913. S. 1–177; *Каверин В.А.* Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского,

журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». 2-е изд. М., 1966; *Рейтблат А.И.* Булгарин и Сенковский в 1810–1820-х годах // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 177–187).

⁴ См.: Справочный энциклопедический словарь [: В 12 т.] / Издание К. Крайя. СПб., 1855. Т. 9, ч. II. *Старчевский* Альберт Викентьевич (1818–1901) – журналист, историк, филолог; редактор словаря в 1848–1853 гг.; в 1850-х гг. был вторым редактором журнала О.И. Сенковского «Библиотека для чтения».

⁵ Матей Казимир Сарбевский (1595–1640) – литовско-польский новолатинский поэт и теоретик искусства.

⁶ Сигизмунд I Старый (1467–1548) – великий князь литовский и король польский с 1506 г.

⁷ Города и села различных польских воеводств.

⁸ Станислав Гозий (*лат.* Hosius Stanislaus; 1504–1579) – теолог, кардинал (1561); поддерживал контакты с Эразмом Роттердамским.

⁹ Станислав Август Понятовский (1732–1798) – польский король в 1764–1795 гг. Был избран королем при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II; служил проводником русских интересов в Польше.

¹⁰ Павел Булгарин (?–1829) – двоюродный брат отца Ф.В. Булгарина, с 25 лет – маршал литовского трибунала (высший судебный орган), затем подконюший (т.е. шталмейстер) Великого княжества Литовского.

¹¹ Антоний Тизенгауз (Тизенгаузен; 1733–1785) – литовский надворный подскарбий (казначей) с 1775 г., гродненский староста при Станиславе Понятовском; финансист, меценат.

¹² Как свободный со свободным, как равный с равным (*польск.*).

¹³ Сенковский учился в Минском коллегииуме (Rhetorum Collegium Minscensis), но недолго, и, не кончив его, перешел в Виленский университет.

¹⁴ Сенковский перевел басни не легендарного индийского мудреца Пильпая (правильно – Бидпая), а легендарного арабского мудреца – Локмана. См.: *Amsal Lokman el-hakim. Podobe stva i bayki m drca Lokmana.* Wilno, 1818; перевод подписан криптонимом Т.Н.

¹⁵ Адам Ежи Чарторыйский (Адам Адамович; 1770–1861), князь – министр иностранных дел Российской империи (1804–1806), попечитель Виленского учебного округа (1803–1823), глава польского национального правительства во время восстания 1830–1831 гг. Позднее в эмиграции в Париже.

¹⁶ См.: *Ohsson I.M. d'.* Tableau général de l'Empire ohtoman. Paris, 1788–1824. Vols. 1–7. Рус. пер. первых двух томов: *д'Оссон.* Полная картина Оттоманская империи: В 2 ч. СПб., 1795. Сенковский опубликовал изложение содержания этой книги и ее разбор в журнале «*Dziennik Wileński*» (1819. Т. I. S. 342–368, 481–500, 609–634; Т. II. S. 359–372, 493–507, 597–621). *д'Оссон* Мураджа (Челепи Игнатиос Мураджаян; 1740–1807) – чрезвычайный и полномочный представитель и посланник Швеции в Османской империи (с 1795 г.).

¹⁷ Друзы – арабы, исповедающие друизм, очень специфическое ответвление мусульманства.

¹⁸ Антоний Арыда (1736–1820) – сирийский ориенталист.

¹⁹ См.: *Dziennik podrzyż... z Wilno przez Odessę do Stambulu* [Дневник путешествия... из Вильно через Одессу в Стамбул] // *Dziennik Wileński*. 1819. Т. 2; *Opis Odessę* [Описание Одессы] // *Dziennik Wileński*. 1820. Т. 1; фрагменты в пер. на русский – *Вестник Европы*. 1820. № 1, 7.

²⁰ Григорий Александрович Строганов (1770–1857), граф с 1826 г. – дипломат, в 1816–1821 гг. – российский посланник в Турции, с 1827 г. – член Государственного совета.

²¹ Булгарин не прав. В марте 1822 г. Сенковский отклонил предложение Виленского университета занять кафедру ориенталистики.

²² Неверное утверждение. Сенковский покинул Египет в июле 1821 г. и в октябре прибыл в Петербург.

²³ Джованни Баттиста Бельзони (Бельзони; 1778–1823) – итальянский путешественник, исследователь египетских древностей.

²⁴ Сенковский писал: «На другой день посетили мы вторую пирамиду. Г. Бельзони, проникший в нее вместе с каирскими любителями древностей, хвалился сим отважным и великим подвигом. При входе и в Царской комнате он украсил стены надписями, в которых хотел сказать, что он открыл сию пирамиду (*Scoperta da Giovanni Belzoni il 2 marzo 1818*). Он сделал еще более: составил акт в канцелярии английского консула в Каире, чтобы в потомстве утвердить славу свою, какой не достаивался еще ни один из *фигляров* в свете» (Посещение пирамид. Из путевых записок Иосифа Сенковского // *Сын отечества*. 1822. № 1. С. 27). В примечании к этому пассажи, помещенном в конце статьи, Сенковский утверждал, что Бельзони «отнюдь не стоит той славы ученого антиквария, которую он сам себе восписал в книге, изданной в Лондоне под именем его жены». По словам Сенковского, Бельзони был всего лишь надзирателем над арабами, осуществлявшими раскопки, руководство раскопками осуществляли другие лица, гораздо более компетентные (*Сын отечества*. 1822. № 3. С. 122–123).

²⁵ Возможно именно с этой целью Булгарин поместил в рубрике «Смесь» своего журнала «Северный архив» выдержанную в панегирических тонах заметку о Бельзони, приехавшем в Петербург в первой половине марта 1822 г. Булгарин писал, что «никто из путешественников нашего времени не обратил на себя столько внимания, как г. Бельзони», называл его «прославившимся своими путешествиями по Египту и Нубии (1815–1819) и открытием драгоценных памятников искусств древних египтян», а труды его характеризовал как «блистательные» (*Северный архив*. 1822. № 7 (апрель). С. 76–77).

²⁶ Дмитрий Павлович Рунич (1780–1860) – попечитель Петербургского учебного округа (1821–1826). Булгарин поддерживал с ним контакты и оказывал ему услуги.

²⁷ Йозеф фон Гаммер-Пургшталь (1774–1856), барон – австрийский дипломат, востоковед; Жан Франсуа Деманж (1789–?) – французский ориента-

лист, профессор кафедры арабского языка в петербургском Главном педагогическом институте (1817–1819), в Петербургском университете (1819–1822), затем по 1840 г. преподавал в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте; Франсуа Бернар Шармуа (1793–1869) – профессор персидского языка в Главном педагогическом институте (1817–1819), Петербургском университете (1819–1822), Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте (1823–1835), вновь в Петербургском университете (1831–1835).

²⁸ Христиан Мартынович Френ (1782–1851) – ориенталист, академик.

²⁹ После испытания у Х.М. Френа Сенковский в декабре 1821 г. был определен переводчиком в Коллегию иностранных дел и лишь в июне 1822 г. стал ординарным профессором арабской и турецкой словесности Петербургского университета.

³⁰ См.: *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag* [Выборка из сочинений турецких историков, касающихся польской истории, с прибавлением необходимых пояснений и критических замечаний]. Warszawa, 1824–1825. Т. 1–2.

³¹ Книга «*Sur les origines russes*» (St. Petersburg, 1825) действительно принадлежит Й. фон Гаммер-Пургшталоу, и по поводу ее Сенковский написал памфлет «Письмо Тютюнджю-Оглу-Мустафы-Аги, настоящего турецкого философа, к одному из издателей Северной пчелы» (СП. 1827. № 129–133), в переводе на французский язык и с дополнениями вышедший в Петербурге в том же году отдельным изданием; в этом «остроумном, исполненном глубоких сведений и необыкновенной веселости письме своем», пародируя высокопарный восточный слог, Сенковский доказывал Гаммеру, «что все им написанное есть совершенно пустой набор слов» ([*Полевой Н.А.*] [Рец. на кн.: Гаммер И. О начале Руси, извлечение из восточных рукописей. СПб., 1827; Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага. Письмо к Ф.В. Булгарину. СПб., 1828] // Московский телеграф. 1828. № 23. С. 336, 334). Книга же «*Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turcs et des Mogols, contenant un Abrugé de l'histoire de la domination des Uzbuks dans la grande Bukharie...*» («Дополнение к истории гуннов, турок и монголов, содержащее в себе сокращенную историю владычества узбеков в Великой Бухарии...») (St. Petersburg, 1824) издана самим Сенковским и является дополнением к книге французского ориенталиста Жозефа Дегина (*De Guignes*, 1721–1800) «*Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols...*» (Paris, 1756–1758. Т. 1–4).

³² Имеется в виду вольный перевод сатирических книг английского дипломата и писателя Джеймса Джастина Мориера (1780–1849), высмеивающих стяжательство, лицемерие, религиозное ханжество и деспотизм, – «*Мирза Хаджи-Баба Исфгани в Лондоне*» (СПб., 1830. Ч. 1–4; отрывки: СП. 1830. № 7, 8, 65–67) и «*Похождения Хаджи-Бабы Исфгани в Персии и Турции, или Персидский Жилблаз*» (СПб., 1831. Ч. 1–4; отрывки: *Сын Отечества* и *Северный архив*. 1831. № 21–23; СП. 1831. № 30–38); обе книги были переизданы под названием «*Мирза Хаджи-Баба Исфгани*» (СПб., 1845).

³³ О.И. Сенковский был вынужден 14 апреля 1833 г. покинуть цензуру после скандала, связанного с пропуском им драмы В. Гюго «Лукреция Борджиа» в журнале «Revue étrangère» (1833. Кн. 5). Номер был уничтожен, а убытки по распоряжению С.С. Уварова взысканы с Сенковского (см.: [Смаков В.В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 3. С. 573).

³⁴ В «Северной пчеле» Сенковский под криптонимом ССС поместил в 1833 г. ряд нравоописательных очерков: «Петербургская барышня» (№ 4), «Личности» (№ 17), «Человечек» (№ 137), «Моя жена» (№ 152). В альманахе «Новоселье» (СПб., 1833), составленном Сенковским, под псевдонимом Барон Брамбеус он напечатал юмористический очерк «Незнакомка» и памфлет «Большой выход у Сатаны». В этом же году Сенковский выпустил книгу «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (СПб., 1833) и в «Северной пчеле» с этой же подписью нравоописательные очерки «Арифметика» (1833. № 209–210), «Заколдованный клад» (1833. № 220) и «Объявление. Продается за отъездом» (1834. № 6, 7).

³⁵ См.: *Барон Брамбеус [Сенковский О.И.]*. Резолюция на челобитную *сего, оного, такового, коего, поелику, якобы* и других, причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. Отд. 6. С. 26–34.

³⁶ Любовно-авантюрный роман «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцивене», созданный на основе старинного французского романа, проник в Россию в первой трети XVIII в. и получил широкое распространение в рукописном виде. Впервые был издан в Москве в 1787 г., впоследствии неоднократно переиздавался.

³⁷ См., например, обширный список разного рода выпадов и негативных характеристик в публикациях Булгарина 1835–1839 гг. в: *Каверин В.А.* Барон Брамбеус. С. 220–225.

³⁸ Имеется в виду писатель, литературный критик и переводчик Александр Васильевич Дружинин (1824–1864). См.: *Дружинин А.В.* О.И. Сенковский: некролог // Библиотека для чтения. 1858. № 4. С. 80–96. Дружинин редактировал «Библиотеку для чтения» в 1856–1860 гг.

³⁹ Выражение это Булгарин заимствовал из русского перевода романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (СПб., 1804). У Стерна не Варвара, а Дина, см. подробнее в статье А.В. Кошелева в этом номере ЛФ.

⁴⁰ «Я сказал, [что нужно было сказать]!» (лат.).

За десять лет до этого Булгарин несколько иначе характеризовал печатно и самого Сенковского, и круг языков, которыми он владел: «Осип Иванович Сенковский получил классическое образование под руководством ученых, снискавших европейскую славу, и с юношеского возраста посвятил себя изучению восточных языков, не по особенной страсти собственно к языкам, но к Востоку вообще, т.е. к его истории, географии, этнографии, словом, к существованию древнему и новому восточных народов, наших предшественников

в образованности. За двадцать семь лет пред сим, в первой молодости, О.И. Сенковский, имея уже достаточные сведения в арабском языке, отправился к знаменитому ориенталисту Ариде, жившему в каком-то монастыре в горах Ливанских, и под его руководством изучил основательно древний и современный язык арабский и язык турецкий, путешествовал по Востоку, посетил Египет и Нубию, и прожив несколько времени в Константинополе, возвратился на родину. Сколько нам известно, О.И. Сенковский знает языки: греческий, древнееврейский, латинский, арабский (письменный и новый разговорный), турецкий, персидский, татарский, древнеисландский (на котором написаны саги), французский (на нем пишет он свободно), английский, немецкий, итальянский, испанский и все славянские наречия. Мы нисколько не преувеличиваем, исчисляя столько языков. Иным это покажется даже сомнительным, однако ж это сущая истина. Само по себе разумеется, что он не все эти языки знает в совершенстве, но на всех читает и все понимает, а для ученых трудов этого довольно. Когда здесь был турецкий посланник Галиль-Паша, то по произношению О.И. Сенковского принял его за природного турка. Сколько можно было бы сделать с таким богатым запасом сведений, с умом О.И. Сенковского и с его трудолюбием! Было время, когда он, изучая языки и историю Востока, занимался по десяти и даже по двенадцати часов в сутки, и по нескольку месяцев не выходил из дому! Мы помним время, в которое О.И. Сенковский принялся за изучение языка китайского и занимался составлением сравнительного словаря восточных языков, взяв за основание знаменитый Словарь Меннинского, и когда намеревался написать по восточным источникам историю хазаров, народа поныне почти неизвестного. Сколько света пролилось бы из этой истории на историю русскую, если бы начатое было кончено! О.И. Сенковский воздвигнул бы себе незабываемый памятник в области наук и прославил бы наше отечество. На бесплодном поле русской журналистики иссякли все эти ученые предприятия, и разрушились все надежды знавших коротко глубокую ученость и необыкновенные способности О.И. Сенковского!» (Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1848. № 30. 7 февр.). См. также записку о Сенковском, написанную Булгариным для III отделения: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 267–268.

[А.Е. ИЗМАЙЛОВ]

[...] К «Полному собранию сочинений русских авторов»¹, издаваемому нашим единственным Смирдиным, присовокуплены в нынешнем году Сочинения бывшего журналиста Александра Ефимовича Измайлова, в двух томах². О предприятии Смирдина говорить мне нечего. Я уже сказал, что это истинно патриотический подвиг, который, без сомнения, оценят все русские, которым дороги русское

слово и русская *слава*³. Ведь и финны, и эстонцы, и латыши имеют свою литературу, а как же нам не дорожить своею литературою, плодом нашего умственного существования? Поговорю с тобою⁴ о А.Е. Измайлове. Может быть ты помнишь фигуру покойного Измайлова, но знать его ты не мог, потому что был ребенком, когда он выехал из Петербурга в провинцию на службу, а по возвращении в Петербург он вскоре умер⁵. Измайлов стоил того, чтоб знать его коротко!

Во всем он был оригинален, и по фигуре, и по одежде, и по образу жизни, и по речам, и по изложению в своих сочинениях, и даже по голосу. Лучшие из всех его оригинальностей были: его удивительная честность и праводушие. Почти всех баснописцев, древних и новых, изображают *наивными** и жестоко в этом ошибаются. Например Езоп, который, будучи отправлен в путь с другими рабами своего господина, для перенесения тяжестей, выбрал самую тяжелую ношу — хлеб для своих спутников, зная, что тяжесть его ноши скоро уменьшится — Езоп далек был от *наивности*! Лафонтен и Крылов, два первые баснописца новых времен, были люди глубокого ума и под покровом *наивности* высказали в баснях все, чего бы не высказали ни в истории, ни в сатире. А.Е. Измайлов хотя и ниже их дарованием, однако *наивностью* выше всех баснописцев, журналистов, поэтов и вообще всех писателей. Он говорил и писал, что у него было на уме и на сердце, и если чего не высказал или не написал, то это значило, что не мог.

Родился он 14 апреля 1779 года и воспитывался в Горном кадетском корпусе⁶. По тогдашнему обучая он был записан на седьмом году от рождения каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк; произведен в сержанты в 1791 году, а в 1797 году, т.е. осьмнадцати лет от роду, уволен от военной службы для определения к статским делам, с чином губернского секретаря. С тех пор, до конца 1830 года, т.е. тридцать три года, служил он в Министерстве финансов, занимаясь постоянно русскою словесностью. В 1799 году вышло в свет первое его сочинение: «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества», повесть в двух частях, которая удостоилась второго издания, в 1801 году⁷. Это верная картина дурного воспитания и вследствие того развратной жизни *тогдашнего* времени, когда пороков не скрывали тщательно, но хвастали ими, как молодечеством. Повесть эта изобилует картинками, которые в последнее время принялась *литграфировать* так называемая *натуральная школа*⁸, с тою разницею,

* Воля ваша, но в русском языке нет слова, вполне выражающего полное значение французского слова naïf. Лексикографы переводят это слово: чистосердечный, естественный, откровенный, нехитрый, простодушный.

что Измайлов никогда не искажал русского языка, писал правильно и всегда с нравственной целью. Повесть «Евгений» имела в свое время много читателей, потому что проказы *кутилы* были для многих занимательны, а вывод повести нравственный, и она доставила автору известность. «Бедная Маша», повесть, как мы в шутку называли ее, *раздирабельная* (т.е. чувствительная), написана в 1801 году, в подражание заглавию повести Карамзина «Бедная Лиза». Вывод из повести также самый нравственный, а рассказ анекдотический. Некто Милов приезжает в чужой город и женится на сироте, внучке отставного обер-офицера. Прожив несколько месяцев с женою, Милов уезжает, оставляя беременную жену, и исчезает. Наконец открывается, что Милов женат был прежде, на немке. Маша отправляется к Милову с ребенком и находит его в нежностях с другою женою. Дело кончается тем, что первая жена Милова перерезывает себе горло, Милов перерезывает себе жилы на руках и на ногах, а бедная Маша через несколько месяцев умирает с грусти, *et le combat finit, faute de combattants*⁹. В этой повести сцена провинциального сватовства и вообще домашний быт провинциала мастерски списаны с натуры, т.е. в чувствительной повести лучшая сторона *юмористическая*. «Рассуждение о нищих, т.е. каким способом уменьшить число их в России» и проч., написанное в 1804 году, и «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованиях и пенсиях», в 1807 году¹⁰, исполнены прекрасных мыслей, полезных истин и благородных патриотических чувств. Добрый А.Е. Измайлов простодушно просит господ отставных чиновников, имеющих родовое имение или наживших в продолжение службы *благоприобретенное* состояние, отказаться от незначительных вещей, не составляющих для них никакого счета, а богатых молодых людей уговаривает отказаться от жалованья в пользу бедных чиновников, не умеющих *благоприобретать* ничего, кроме общего уважения и наград по службе. Вот как рассуждал об этом деле благородный А.Е. Измайлов (см. Собр. сочин. Часть II, стр. 429–431): «И давеча он еще, говоря о повесе, своем сыне Иване Власьиче, сказал: разве мы даром, дворяне, служить обязаны? Да для чего же и не так? Я сам природный дворянин, однако же служил без жалованья, когда был в гвардии сержантом, и нисколько тем не обижался. Жалованье должно производиться только тем людям, которые предоставили себя единственно на службу отечеству и, занимаясь должностью, не имея собственного достатка, не имеют и никаких способов доставать нужное к своему содержанию; а кто богат, кто имеет, например, как Власий Кириллович, 10 000 рублей годового дохода, не стыдно ли тому брать жалованья 1200 рублей и половинную при отставке пен-

сию? Так ли служили старинные дворяне, наши предки? Они тратили в службе собственное свое иждивение, лили собственную свою кровь — и из чего? из одного благородного честолюбия, усердия к Государю и Отечеству. Удовольствие оказать услуги своему Государю и народу составляло самую лучшую награду, а благоволения Государя, каким бы образом они изъявлены ни были, почитались за величайшие милости, и серебряный кубок или другая какая вещь хранилась из рода в род, как священная драгоценность».

В этой статье виден весь человек с обнаженным сердцем.

В 1809 году Измайлов вместе с Беницким (прославившимся *одною* восточною повестью, им написанною¹¹) издавал журнал «Цветник», а в следующем 1810 году продолжал тот же журнал вместе с Никольским, весьма остроумным и даровитым молодым человеком, рано слегшим в могилу, к ущербу русской словесности¹². В 1814 году вышли в свет «Басни и сказки А.Е. Измайлова», а второе их издание, исправленное и умноженное, появилось чрез два года (1816), с винытками. «Новые басни и сказки с разными стихотворениями» изданы в 1817 году, а в 1821 году изданы *четвертым* изданием «Басни и сказки с присовокуплением Опыта о рассказе басни и разбора некоторых образцовых басен лучших русских фабулистов», в трех частях. В 1826 году вышло *пятое* их издание. «Сочинения в прозе» изданы в том же 1826 году¹³. С 1818 до 1827 года А.Е. издавал журнал под заглавием «Благонамеренный», сперва по 12 книжек, потом по 24, а наконец по 52 книжки в год. Книжки выходили в свет неисправно, и издатель всегда представлял своим читателям извинения, заставлявшие всех хохотать¹⁴. Наконец Измайлов начал недодавать книжек. В 1824 году не вышли № 23 и 24; в 1825 году с № 41 по конец года, а в 1826 году журнал не выходил в свет с № 13 до конца года. Но А.Е. Измайлов имел свой круг читателей, которые весьма любили его и прощали ему неисправность. На 1826 и 1827 годы он издал альманах «Календарь муз»¹⁵. В 1829 году¹⁶ изданы «Басни и сказки» Измайлова в крошечном формате, с портретом автора.

Характер всех его сочинений, верный отпечаток его собственно-го характера, добродушие и чистосердечие (наивность). А.Е. Измайлов не был богат вымыслом, не анатомировал сердца человеческого и, будучи самым добрым и чувствительным человеком, не имел дара тронуть сердце и извлечь слезы у читателя, но рассказ его в прозе и в стихах всегда прост, увлекателен и проникнут неподдельным русским юмором, т.е. веселостью и непринужденностью. Главный недостаток его — отступление от изящного вкуса. Это говорил я ему в глаза, печатал при его жизни и теперь должен высказать после его смерти. Но

все же картины его во сто раз чище картин Гоголя и его подражателей. А.Е. Измайлов грешил более выражениями, но не изображал никогда таких неопрятных сцен, как находим, например, в «Мертвых душах» Гоголя или в стихотворениях Некрасова. Начало и весь рассказ басен и сказок Измайлова всегда хороши и естественны, но конец не соответствует началу и середине. Некоторые его стихи знали наизусть все современные литераторы, потому что эти стихи того заслуживали. Например:

Жила-была собака пребольшая,
*Предобрая, презлая*¹⁷,
Ласкала всех своих,
Бросалась на чужих —
И только что бросалась,
А не кусала.
Затем, что на цепи привязана была.
(«Собака и вор»)

Предобрая, презлая — это прелесть! Мы обыкновенно называем дворовую собаку доброю, когда она зла к чужим людям. А кто не хотал от сказки: «Пьяница» и не помнил стихов

Вот вечером его [по улице] ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной!

Может ли быть что-нибудь естественнее и забавнее рассказа в сказке «Встреча двух подруг»:

Две дамы встретились в рядах.
«Ах!
Прасковья Марковна! Вы ль это?»
«Я, Анна Дмитриевна, вот нынешнее лето
Из Твери приплыла». — «Ах, Боже мой, лет пять
Мы с вами не видались.
Привел же Бог увидеться опять!»
(Тут три раза они поцеловались.)
«Как рада я!.. Но как переменялись вы!
Ужасно похудели!..»
«И вы не очень подобрали!»
«Конечно замужем?» — «Увы!
Четвертый год», и проч.

Натура! Есть некоторые сказки и басни, которые без обиняков назову совершенством. В этом числе первое место занимает сказка «Лгун», начинающаяся стихом «Павлушка медный лоб (приличное прозвание!)»¹⁸. Это настоящий *chef-d'oeuvre!*

Во второй части сочинений А.Е. Измайлова, в письме о бывшем в Петербурге наводнении, на стр. 506 напечатано: «Впрочем, справедливость требует сказать, что все нынешние литераторы сохраняют всегда на словах должную благопристойность. Пишут друг на друга эпиграммы, сказки, воюют в журналах, но в обществе никогда не сделают друг другу ни малейшей грубости, ни малейшей невежливости». Добрый А.Е. Измайлов, как все писатели, сам был весьма раздражителен и написал несколько сказок, басен и эпиграмм на своих критиков и соперников. Если б объяснить, когда, на кого и по какому случаю написано было много подобного, в то время, когда были и литература и страстные ее любители, — это было бы весьма любопытно и занимательно. Но теперь, может быть, еще рано поднимать завесу нашего времени, и я скажу только о том, что в полной моей власти, т.е. *о себе*.

Александр Ефимович задел в своем «Благонамеренном» одного из самых коротких моих приятелей, человека с необыкновенным дарованием и остроумием, теперь уже покоящегося в земле¹⁹. Я вступился за приятеля в издаваемых мною при «Северном архиве» «Литературных листках»²⁰, и между прочим уколол А.Е. Измайлова его собственным стихом из сказки: «Пьяница и судьба».

В ночь темную, зимой,
 Подьячий пьяный шел через реку домой;
 С прямой дороги сбился
 И где ж? — у *попыньи* каналья очутился.

Разумеется, что последний стих привел я иронически, как *образец изящного*. Александр Ефимович разгневался, и общие наши приятели сказали мне, что он читал у себя на вечере²¹ басню на мой счет. Замечу при этом случае, что в то время все журналисты имели у себя *назначенные дни*, в которые собирались к ним литераторы. Через несколько дней встречаюсь я с Александром Ефимовичем в книжной лавке покойного Сленина²². Мы были с Измайловым на самой короткой ноге и говорили друг другу *ты*. «Здорово, брат Ефимыч!» — «Здравствуй!» — «Ты написал на меня басню?» — «А ты почему знаешь?» — «Сказали те, которым ты читал». — «Виноват — написал!» — «Прочти же, пожалуйста!» — «Сердиться станешь!» — «Как тебе не стыдно!

Разве ты меня не знаешь?» — «Хочешь — так изволь!» Тут Александр Ефимович снял свои серебряные очки, протер их перед светом, потом вынул огромную кипу* бумаг из бокового кармана (он никогда не выходил из дому без кипы бумаг), отыскал басню и прочел мне. Я хохотал от души и просил позволения напечатать в моем журнале, но он на это не согласился и при жизни своей не печатал ее**. Впервые напечатал ее, после кончины доброго Измайлова, А.Ф. Воейков, не помню в «Славянине» или в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Басня эта помещена теперь в первой части собрания сочинений, на стр. 78, под заглавием «Слон и собака»²⁴. Не постигаю, почему прекрасная эта сказка искажена в печати, даже до собственных имен! В печати собака Брылан, а в подлиннике Барбос. Разве это не все равно? В подлиннике сказано, *какой породы собака*, а какой свинья, и это весьма важно для характеристики²⁵. Словом, сказка искажена, а все же очень хороша!²⁶ Вскоре я залил целебным бальзамом царапину, нанесенную мною авторскому самолюбию Измайлова. А.Ф. Воейков прибавил несколько куплетов к своему «Дому сумасшедших», в котором помещены все известнейшие литераторы, и дал местечко А.Е. Измайлову, сказав о нем следующее:

Вот Измайлов, автор басен,
 Рассуждений, эпиграмм;
 Он пишит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам», и проч.

Добрый А.Е. Измайлов, при всей дородности своей и при всем пренебрежении утонченностей туалета, был страстный обожатель, разумеется платонический, прекрасного пола, писал послания к дамам, украшал их альбомы стихами и не скрывался с притязаниями на их благоволение, т.е. хотел нравиться женщинам. Стих «Я писатель не для дам» жестоко растревожил его. В день его рождения я послал ему шуточные стишки, в которых после каждого куплета был припев (refrain):

* В шуточном стихотворении барона Дельвига сказано о А.Е. Измайлове, между прочим:

Оттопырен карман,
 В нем торчит, как чурбан
 Трехпудовая тетрадь²³.

Описание с натуры!

** Но он позволил мне написать басню, и списал ее для меня, тут же на месте, покойный О.М. Сомов.

Нет, нет! ты вопреки врагам,
Писатель для мужчин и дам!

Измайлов был в восторге! Стишки напечатал в «Благонамеренном» (без моей воли)²⁷, а припев приказал вырезать на своей серебряной табакерке, которую всегда носил с собою. На другой же день он явился ко мне и, пыхтя и утирая пот, катившийся градом с лица, бросился в мои объятия, восклицая: «Спасибо, Фаддей! Вот друг, сослужил службу!»²⁸ С этих пор ни одно облачко не промчалось между нами²⁹.

Во всю свою жизнь Измайлов не выезжал из Петербурга и вдруг вздумал служить в провинции. В конце 1826 г. назначен он был (в чине статского советника) в вице-губернаторы в Тверь, а в 1828 году в том же звании переведен в Архангельск. Но он не мог ужиться в провинции. Там не понимали его шуток, самые невинные стишки называли *критикою* (!!!), а честный Измайлов не понимал и не хотел понимать подьячества, *благоприобретаемых* доходов по питейной части и т.п. В 1829 он причислен был к Министерству финансов для особых поручений, а в конце 1830 года уволен вовсе от службы, с пенсией по 2000 руб. ассигнациями в год. Этим трудно было прожить в столице, и он взялся преподавать русскую словесность в Пажеском корпусе. На одной из лекций (в первой половине января 1831 года) он почувствовал, что ему дурно, его отвезли домой, и он скончался от апоплексического удара, к искреннему сожалению всех знавших его.

Я сказал выше, что, будучи добрым и чувствительным, он не умел в своих сочинениях трогать сердца и извлекать слезы. Так было при жизни его, но когда я теперь стал перечитывать его сочинения, то, нахотавшись досыта, невольно прослезился, находя благодарность к благодетелям, искреннюю любовь к человечеству, простодушие и честность во всех его помыслах. Дети его должны написать на надгробном памятнике Александра Ефимовича ту самую эпитафию, которую он сочинил для своего отца:

Здесь прах покоится честного человека:
Он зла не делал и врагам;
Служил отечеству с усердием полвека
И имя доброе оставил только нам³⁰.

В моих «Воспоминаниях» я скажу о А.Е. Измайлове больше³¹, а теперь и так слишком расписался сам не знаю как! Как вспомнил о том времени, когда у нас были и *лето*³² и *литература*, когда мы, т.е.

пишущая братия, собирались в дружеские кружки, проводили время без карт, шутили, забавлялись, печатали друг против друга шутки, не оскорбляя притом чести *намекami* и *иносказаниями*... уважали друг друга... вспомнил, и забылся! [...]

Печатается по: Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1849. № 141, 142. 28, 30 июня.

¹ В эту серию (1846–1855), не имевшую в русском книгоиздании аналогов ни ранее, ни позднее, вошли сочинения 40 писателей, в том числе ко времени написания настоящего мемуара В.А. Озерова (1846), Д.И. Фонвизина (1846), Г.Р. Державина (1847), А.Д. Кантемира (1847), М.Ю. Лермонтова (1847), М.В. Ломоносова (1847), М.Н. Муравьева (1847), И.И. Хемницера (1847), Я.Б. Княжнина (1847–1848), И.Ф. Богдановича (1848), Д.В. Давыдова (1848) и др.

² *Измайлов А.Е.* Соч.: В 2 т. СПб., 1849. (Полное собр. соч. русских авторов). См. расширенное переизд. сочинений в стихах: *Измайлов А.* Избр. соч. / Изд. подгот. М.Амелин. М., 2009.

³ По поводу выхода Полных сочинений Фонвизина Булгарин писал о серии Смирдина в очередном фельетоне «Журнальная всякая всячина»: «Предприятие истинно патриотическое, благородное, достойное внимания всех грамотных людей в России и сильной поддержки со стороны всех сословий, от А до Z!» и всячески расхваливал издание (СП. 1846. № 242. 26 окт.).

⁴ Этот фельетон Булгарина из цикла «Журнальная всякая всячина» имел подзаголовок «Письмо к А.Н. Г[речу], в Заманиловку, близ Парголово», т.е. был обращен к сыну Н.И. Греча Алексею (1814–1850), исполнявшему в то время обязанности секретаря редакции.

⁵ В 1826 г. А.Е. Измайлов был назначен вице-губернатором Тверской губернии (А.Н. Гречу было тогда 12 лет), в 1828 г. переведен на такой же пост в Архангельскую губернию, в 1829 г. вернулся в Петербург, а в начале 1831 г. умер.

⁶ Измайлов в 1792 г. поступил в Горное училище (основанное в 1773 г.), покинул его в 1797 г., а в 1804 г. училище было преобразовано в Горный кадетский корпус (ныне Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г.В. Плеханова).

⁷ Булгарин ошибается. В 1799 г. вышла первая часть этой повести, а в 1801 г. – вторая.

⁸ Термин «натуральная школа» был впервые использован самим Булгариным в одном из фельетонов в «Северной пчеле» (26 января 1846 г.) для критической характеристики Гоголя и его последователей, но впоследствии был применен В.Г. Белинским как удачное название для ориентированных на «реализм» современных русских писателей.

⁹ бой прекратился из-за отсутствия бойцов (*фр.*) – цитата из трагедии П. Корнеля «Сид».

¹⁰ См.: Разсуждение о нищих, каким способом можно уменьшить у нас в России великое число оных и доставить всем прочим безнужное пропитание безо всякого на то иждивения от казны, написанное Александром Измайловым. СПб., 1804; Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованье и о пенсиях. СПб., 1807.

¹¹ Речь идет об «индийской сказке» Александра Петровича Беницкого (1782–1809) «На другой день», опубликованной в журнале «Цветник» (1809. № 1). В анонимной заметке «Двойник» (СП. 1840. № 69. 27 марта), принадлежащей, по-видимому, Булгарину, говорилось про «литератора Беницкого, оставившего после себя весьма немного сочинений, но внесенного в историю русской литературы за одну только превосходную повесть “На другой день”». А.А. Бестужев также писал, что «Беницкий написал только три сказки, зато образцовою прозою. Из них “На другой день, или Завтра” будет на всех языках оригинальною, ибо кипит мыслями» (*Бестужев А.А.* Взгляд на старую и новую словесность в России [1823] // Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 528).

¹² Никольский Павел Александрович (1791–1816) – критик, журналист, переводчик.

¹³ Точное название книги: Соч. в прозе и стихах. Ч. 1. Проза. СПб., 1826. (Ч. 2 не выходила.)

¹⁴ Имеются в виду сообщения Измайлова о причинах задержки номеров типа следующих: «Книжка сия выходит несколько позже обыкновенного срока; виноват издатель, гулял на праздниках» (Благонамеренный. 1819. № 7. С. 68); «Опять виноват издатель:

Как русский человек, на праздниках гулял;
Забыл жену, детей, не только что журнал» (1820. № 6. С. 442).

¹⁵ Альманах «Календарь муз» Измайлов издавал вместе со своим племянником П.Л. Яковлевым.

¹⁶ Тут описка Булгарина или опечатка в газете, это издание вышло в 1839 г.

¹⁷ Здесь и далее курсив Булгарина.

¹⁸ Эта «сказка» представляет собой сатирическое изображение писателя и журналиста П.П. Свинына.

¹⁹ Речь идет о заметке Измайлова (подписанной криптонимом И.) в постоянной рубрике «Сатирические ведомости» в № 1 «Благонамеренного» за 1824 г. Там описывалось торжественное собрание некоего Общества баловней поэтов и прозаиков, на котором «г. Безграмотный [, читая “Смотр поэтам и прозаикам”,] с фонарем критики прошел скорым шагом по всем рядам поэтов и прозаиков и в красноречивом рапорте своем публике обличил таланты и успехи каждого писателя» (с. 64). Под Безграмотным Измайлов имел в виду А.А. Бестужева. В его статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» в «Полярной звезде на 1824 г.» (положительная рецензия Измайлова на этот альманах была опубликована в том же № 1) говорилось, что стихотворение В.И. Туманского «обличает талант молодого певца» и что Булгарин

«с фонарем археологии спускался в неразработанные еще рудники нашей старины») (Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Издание подготовили В.А. Архипов, В.Г. Базанов и Я.Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 268, 270). Выпад Измайлова был вызван замечанием Бестужева в обзоре, что «Благонамеренный» «забавен для своего круга» (Там же. С. 269). В.П. Бурнашев запечатлел следующий рассказ Измайлова: «...зимой 1824 года за обедом у издателей “Полярной звезды” я дал торжественное слово Булгарину сделать его бессмертным. Но, прежде чем совершить казнь, я хотел заставить Фаддея с братиею вытерпеть ряд разнообразных юмористических пыток, в уповании, что когда дойдет до последнего удара секиры, все эти господа волею-неволею отрекутся от своего, брошенного ими на ветер, мнения, что “Благонамеренный” забавен только для своего круга. Для этого я не пренебрегал никакими случаями, чтоб Фаддея с Орестом Сомовым, бывшим моим сотрудником, а теперь критиканом “Литературных обозрений” в “Полярной звезде”, представить в их настоящем свете. Одним из таких случаев был в Москве маскарад на святках в доме моих друзей и кумов, Дорогомыжских, куда каждый из гостей должен был явиться в каком-нибудь характерном костюме. Я избрал своим костюмом “Полярную звезду”. Я надел на себя пестрое арлекинское платье, само собою разумеется нарочно сшитое по моему слоновьему росту театральным костюмером Натье. На грудь и на спину я прицепил себе две громадные звезды из серебряной бумаги, по крайней мере по аршину в диаметре каждую. На арлекинской шапочке торчала у меня маленькая серебряная звездочка. К поясу прикреплен был фонарь критики — детский игрушечный барабан с яркою надписью: “Ах! Лучше барабан поэта, Чем силпый критика свисток!” — это стихи Туманского, напечатанные им в “Полярной звезде” 1824 года». В своей речи о современной литературе Измайлов стал превозносить «в самом карикатурном виде некоторых современных знаменитостей и в том числе лающего критика-юмориста, в котором, без упоминания имени, все узнали издателя “Волшебного фонаря”, “Листков” и нынешнего сотоварища Греча по изданию “Северной пчелы”» (Эртаулов [Бурнашев В.П.] Воспоминания об А.Е. Измайлове // Дело. 1874. № 4. С. 176—177). О. Сомов печатал обозрения русской литературы позднее, в «Северных цветах» на 1828—1831 гг., а во всех выпусках «Полярной звезды» подобные обозрения помещал А.А. Бестужев. Либо память подвела Бурнашева, либо он не хотел упоминать репрессированного декабриста. «Эпиграмма» В.И. Туманского процитирована Бурнашевым или Измайловым неточно, в оригинале «Оставил барабан поэта За грязный критика свисток». «Волшебный фонарь» — рубрика булгаринского журнала «Литературные листки».

²⁰ Булгарин, похвалив в рубрике «Литературные новости» басню Измайлова «Лгун», помещенную в № 1 «Благонамеренного» за 1824 г., иронически заметил, имея в виду процитированную выше заметку, что в том же номере Измайлов «весьма забавно описал собственную литературную вечеринку и назвал себя и своих сотоварищей именами, которые конечно каждый примет за шутку» (Литературные листки. 1824. № 2. С. 66). Чуть позже в заметке

по поводу отзыва издателя газеты «St. Petersburger Zeitschrift» Е.И. Ольдекопа об Измайлове Булгарин оспорил положительную оценку его критических выступлений, заметив, что тот не печатал в своем журнале статей о поэзии и что там вообще не рассматривались серьезно поэтические произведения (Ф.Б. Литература // Литературные листки. 1824. № 4. С. 139–143). Измайлов резко ответил Булгарину в статье «Изъявление благодарности гг. издателям St. Petersburg. Zeitschrift (sic!) и Литературных листков, журнала нравов и словесности» (Благонамеренный. 1824. № 5. С. 368–375), заявив, что критические статьи (пусть не его, а других авторов) печатались в журнале в большом числе, а в заметке об обществе литераторов изображен вовсе не он и не его знакомые. Булгарин не остался в долгу. Он писал, что «сказал только, что в нем [“Благонамеренном”] не были разбираемы беспристрастно и основательно пиитические творения <...>», а что касается заметки о Безграмотном, то нехорошо вкладывать в уста якобы придуманных персонажей хорошо известные многим слова реально существующих людей. Булгарин спрашивал Измайлова, понравится ли ему, если «другой представит критика с осанкой важной, в броне сермяжной, который, желая смыть все литературные свои погрешности, очутился у полыньи и едва не потонул» (Ф.Б. Ответ издателю Благонамеренного на его изъявление благодарности Литературных листков (см. № 5 Благонамеренного на стр. 368) // Литературные листки. 1824. № 6. С. 237).

²¹ Вечера у Измайлова проходили в первой половине 1820-х гг. Там бывали Н.Ф. Остолопов, И.Б. Чеславский, Э.П. Перцов и др.

²² Сленин Иван Васильевич (1789–1836) – книгопродавец. Его магазин в доме Энгельгардта на Невском просп. воспет Измайловым в стих. «Сленина лавка» (1824).

²³ Стихотворение А.А. Дельвига «До рассвета поднявшись, извозчика взял Александр Ефимыч с Песков...» Булгарин цитирует, по-видимому, по памяти. В оригинале: «...Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан / Двадцатифунтовая тетрадь» (Дельвиг А.А. Соч. / Изд. подгот. В.Э. Вацуро. Л., 1986. С. 165).

²⁴ Правильно: «Слон и собаки». Басня была написана 2 апреля 1824 г. и впервые опубликована в «Литературной газете» (1831. № 23. 21 апр.), которую издавал О.М. Сомов, а не А.Ф. Воейков.

²⁵ В сохранившемся в РНБ автографе раннего варианта басни собака была названа Цербером, а свинья охарактеризована как американская, что было очевидным намеком на П.П. Свиньина (см. коммент. Г.В. Ермаковой-Битнер в: Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959. С. 693–694; там же на с. 353–354 текст самой басни).

²⁶ Помимо басни «Слон и собаки» против Булгарина направлены сатирические стихотворения Измайлова «Фаддей с фонарем», «Судья Фаддей», «Сленина лавка», «Песня» («Пусть задорный пес Фаддей...»), эпиграмма «Ну, исполат Фаддею!» (все – 1824).

²⁷ Булгарин имеет в виду следующее стихотворение, помещенное в «Благонамеренном» в 1823 г. (№ 16. С. 274–275):

На день рождения А.Е.И.

Когда б ты был в числе вельможей,
Или имел с Фортуной связь,
Тогда б в сей день в твоей прихожей,
Толпа народу собралась:
Спешили бы к тебе принесть
С поклонами дары и лесть.
Но ты, увы! Поэт, писатель,
Народный русский фабулист,
Журнала скромного издатель,
И на беду не романист!
Итак покорен будь судьбе,
Даров в сей день не жди себе.
Пусть Зависть с гнусной Клеветою,
Ударив дружно по рукам,
Гласит в плохих стихах трубою
Что ты писатель не для дам.
Нет, нет! ты вопреки вралям,
Писатель для мужчин и дам.
Зато писатели собором,
В сей день пришедши в твой приют,
Измайлову согласным хором,
Хвалу не лестную поют:
Ликуй, Измайлов, журналист!
Ликуй, поэт и фабулист!
Дай Бог подписчиков тебе,
Сотрудников — и вдохновенье;
Дай Бог, чтоб нажил ты себе
Трудами славу и именье;
Трудись и наживай добра:
Ура! Измайлов наш, ура!

*14 апреля 1823**Б-нь*

²⁸ А. Измайлов писал 3 мая 1823 г. П.Л. Яковлеву, что на следующий день после празднования его дня рождения, который приходился на 14 апреля, пришли к нему гости, придворные певчие, и «запели стихи, сочиненные на день моего рождения сарматом Булгариным. [...] Сюрприз был самый приятный» (ИРЛИ. 14.163. Л. 31 об.).

²⁹ Булгарин неверно передает последовательность событий: приведенное стихотворение создано до басни «Слон и собаки» и других направленных против Булгарина эпиграмм и басен Измайлова. После указанных выше

взаимных выпадов Булгарин отозвался о редактировании Измайловым Сочинений В.А. Озерова как о «событии, неслыханном поныне в истории словесности просвещенных народов», демонстрируя на примерах, что своей правкой Измайлов во многих местах «превратил смысл стихов Озерова, лишил их сладкозвучия и несносною перестановкою слов совершенно ослабил действие речей драматических лиц, выведенных на сцену Озеровым» (Литературные листки. 1824. № 8. С. 315–316). Измайлов ответил на это стихотворением «Судья Фаддей» и рядом других стихотворений и эпиграмм, которые опубликовать ему не удалось, но они широко распространялись в рукописи. В печать попали только мелкие выпады и намеки в «Благонамеренном» (№ 9. С. 229; № 11. С. 320–322, 333–334), после которых Булгарин прекратил полемику, заявив: «[Измайлов] усиливается доказать мое бессилие по части критики и находит у меня множество ошибок. Сожалею, что не могу ему услужить тем же: я в нем ничего не вижу. Ex nihilo nihil fit [Из ничего ничто не происходит (лат.)]» (Краткие литературные замечания, наблюдения и проч. // Литературные листки. 1824. № 11/12. С. 430). Но к концу года отношения их стали теплее, в начале 1825 г. Измайлов поместил в «Благонамеренном» сочувственный отзыв об изданном Булгариним театральном альманахе «Русская Талия» (№ 1. С. 40--42), в начале следующего года Булгарин расхвалил изданный Измайловым альманах «Календарь муз» (СП. 1826. № 6. 14 янв.). (Об их взаимоотношениях см. также: *Левкович Я.Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е. Измайлова к П.Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 151–194.) В 1826 г. Измайлов выпустил «Благонамеренный» только за первое полугодие и прекратил издавать журнал, а в конце года уехал из Петербурга служить в провинции. Вернулся в столицу он только в мае 1829 г. и вскоре опубликовал в «Северной пчеле» сатирический очерк «Письмо к издателю Северной пчелы» с подписью Михай Простенков (1829. № 92. 1 авг.), а также заметки о нравах и анекдоты (Изм... А. Смесь // СП. 1829. № 100, 102. 20, 24 авг.). После его смерти в «Северной пчеле» был помещен теплый некролог, где про Измайлова говорилось, что «в литературе русской он известен своими баснями и сказками и изданием разных журналов, в частной жизни был он человек честный, благородный, добродетельный, добрый сын, супруг и отец; в сердцах друзей своих оставляет он неизгладимое временем воспоминание» (1831. № 15. 20 янв.). В.П. Бурнашев в цитируемых выше воспоминаниях об Измайлове утверждал, что во время службы в Твери Измайлов публиковал в «Северной пчеле» «легкие статейки в стихах» с подписью А.И. (Дело. 1874. № 4. С. 196, см. также с. 194), но стихи с подобной подписью в «Северной пчеле» не печатались.

³⁰ Эпитафия помещена на могильном памятнике Е.Ф. Измайлову на Смоленском кладбище (Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 260); опублик. в «Новых баснях и сказках» Измайлова (1817).

³¹ «Воспоминания» Булгарин не завершил и об Измайлове написать не успел.

³² В начале фельетона Булгарин жаловался на холодное лето в Лифляндии.

[Н.М. ЯЗЫКОВ]

Вот умер и Языков, на сороковом году возраста! Два литератора говорили о нем на его свежей могиле: г. Губер¹, в Петербурге (в № 5 Ак[адемических] В[едомостей])², и г. профессор Шевырев, в Москве, в «Московском городском листке»³, и оба не сказали ничего определенного. Г. Губер, по случаю смерти Языкова, высказал несколько мыслей о прошлом и настоящем состоянии нашей литературы, назвал Языкова *сподвижником* Пушкина, вместе с Дельвигом и Баратынским, пожалел о положении поэта и художника, являющегося не вовремя (а NB все поэты и художники верят, что они *опередили* свой век), изложил несколько прекрасных истин на счет должного уважения к трудам и заслугам каждого литератора и заключил тем, что, говоря о Языкове, он (т.е. г. Губер) именно не хочет говорить о Языкове: Ergo: ex nihilo nihil est (т.е. следовательно, из ничего и вышло ничего). Г. Шевырев, напротив, *собственными стихами* Языкова хотел определить и литературное развитие, и характер Языкова как поэта и как человека. По нашему мнению, это самое неверное и даже обманчивое средство к определению характеристики человека и поэта. Вы возьмете *одни* отрывки, а я возьму *другие*, и характеристика выйдет двусторонняя. Особенно опасно это средство к изображению таких поэтов, каковы были Языков, Дельвиг и Баратынский, которые в своих стихах клепали сами на себя небылицы и принужденно представлялись певцами полных чаш, дев и лени. Это были три божества, которых жрецами называли сами себя Языков, Баратынский и Дельвиг, назло благонамеренной критике, веря, что призвание поэта — *петь лень, вино и любовь!* Не вовсе чужд был этого предрассудка и Пушкин. В свое время мы были сильными противниками этой *любовно-винно-ленивой* школы и смело можем сказать, что много содействовали к обращению Пушкина на отечественные предметы, вопия громогласно, что поэзия должна приносить первые и лучшие жертвы пред алтарем живого Бога и Отечества⁴. Когда мы дойдем в наших «Воспоминаниях» до литературной эпохи⁵, то приложим в подлиннике письма к нам Пушкина, и тогда самые противники наши удостоверятся в истине слов наших. То же самое говорили мы в глаза покойному Языкову, с которым познакомились в Дерпте, в 1828 году, где он доживал тогда свою студенческую жизнь. Познакомил нас

друг Языкова, отличный художник-любитель, оригинально-умный и добрый старый дерптский студент и русский дворянин, Александр Дмитриевич Хрипков, который, окончив курс в Дерптском университете, лет двадцать собирался выехать из Дерпта и никак не мог решиться оставить ливонские Афины, где все мы жили тихо, мирно и приятно, по поговорке — как у Христа за пазухой⁶. Языков долго не решался приходить в мое мирное и богоспасаемое* Карлово⁸, на дружескую хлеб-соль, и по произведении следствия о таком отчуждении оказалось, что причиною этого была привычка развязывать галстух после обеда, а когда мы уверили его, что в кабинете можно не только снять галстух, но и фрак, Языков стал часто навещать нас в Карлове. Это маловажное обстоятельство — важная характеристическая черта! Языков точно любил полениться и понежиться, любил хороший стол и веселую беседу, но был при том добрый, благородный, добродушный человек и оставил по себе в Дерпте, где он жил лет десять⁹, самые приятные воспоминания. Тогда было в Дерпте другое время. Многие жили в Дерпте по десяти и по пятнадцати лет, считались студентами и не посещали лекций. Языков также не весьма усердно посещал их и не сдал экзамена; но все же пребывание в Дерпте было для него полезно. Он узнал немецкий язык и немецкую литературу, и если не изучил глубоко наук, то освоился с ними. Я уже говорил однажды, что кажется, будто дерптский воздух напитан ученостью, и даже не делая ничего, а только прислушиваясь к разговорам, в Дерпте можно приобрести некоторые сведения. Лежать, читать кое-что и писать стихи, когда поэзия навевала свои вдохновения, между сном и пищеварением, составляли существо жизни Языкова в Дерпте, и все лучшее написано им в эту эпоху¹⁰. По выезде Языкова из Дерпта мы потеряли его из вида, и не знаем, где он жил, что делал и каким образом, будучи сильного и крепкого, геркулесовского сложения, впал в расслабление, которое заставило его искать исцеления за границею и потом свело в раннюю могилу. Но литературная его жизнь разделяется на две половины, точно так же, как и вышедшие поныне его стихотворения разделяются на два тома. Первый том издан в С. Петербурге, в 1833 году, второй в Москве, в 1845¹¹. В первом томе Языков является удалым юношею, пламенным, живым, красноречивым поэтом; во втором томе умным (а иногда даже и утомительным) стихотворцем, усталым и пресыщенным жизнью человеком, ни юношею, ни зрелым, ни ста-

*Так прозвал его любезный мой товарищ по изданию Русской статистики, ныне профессор Казанского университета, Н.А. Иванов⁷.

риком. Кажется, что по выезде Языкова из Дерпта пламя поэзии в нем угасло; остались одни искры.

Во всех странах, где растет виноград, нет столько вина, в Магометовом раю нет столько гурий и на всем Востоке нет столько кейфа, а в Италии *fag niente* (т.е. лени), как в стихах Языкова. Все алмазы его поэзии надобно отыскивать между пенистыми чашами, черноокими девами и дремлющею ленью. Точно и приторно, но зато если отыщешь алмаз, так он уж не поддельный и высокой цены! Много ли таких стихотворений у самого Пушкина, как Языкова «Ливония», написанная в Дерпте в 1824 году и напечатанная в первом томе (петербургского издания, 1833 г.) на стр. 117.

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха*,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвения
Не все, не все у славы отняла:
И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэта чела!

Рукою лет разбитые громады**,
Где бранная воспитывалась честь,
Где торжество не ведало пощады,
И грозную разгорячало месть, —
Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в безмысленных очах!
Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,

* Знаменитый гермейстер ордена меченосцев.

** Развалины рыцарских замков.

Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют взгляды...
И падает к струнам его рука¹².

Вот истинное вдохновение! Таких стихотворений и еще выше по содержанию, как например: «Моя родина»¹³ и т.п., есть много у Языкова; есть и стихи нежные и сладкогласные, трогающие душу, как, например, на смерть А.А. Воейковой¹⁴. Нет никакого сомнения, что Языков родился поэтом и хотя не создал ничего великого, могучего, но все же озаменовал свое существование незабвенными памятниками ума и чувства, и имя его, как тихая звезда, останется навсегда на горизонте нашей литературы. В житейском быту Языков был неприметною точкой. Почтенный г. Шевырев представил (в № 6 «Моск[овского] город[ского] листка») весьма любопытный документ, а именно послужной список Языкова. Это также поэзия и притом высокая! Вот этот формуляр слово в слово: «Канцелярист Николай Языков поступил в Канцелярию Главного директора Межевой канцелярии 1831 года, сентября 12; 1832 года, сентября 17, за № 1757, представлен бывшим главным директором, сенатором Гермесом¹⁵ г-ну министру юстиции¹⁶ о награждении его, Языкова, чином коллежского регистратора, а 18 ноября 1833 года он, Языков, уволен по прошению от службы». — Обширное служебное поприще оставил *перед собою* Языков — да недалеко ушел на нем! — Не будь он поэтом, к нему можно было бы применить эпитафию И.И. Дмитриева:

Жил, жил, и только что в газетах
Осталось: выехал в Ростов¹⁷.

Но теперь мы вспоминаем и о благородных качествах души, и о прекрасном характере, и о светлом уме поэта, и имя его становится почетным. Если б у Языкова были дети, и сын его пришел к нам требовать помощи именем отца-поэта, мы бы разделили с ним последний кусок хлеба!.. Жизнь в памяти людей — вот награда умного и благонамеренного писателя по смерти!

Новая наша критика жестоко и бесчувственно осудила поэзию Языкова¹⁸, но эта критика истлеет, не оставив после себя следов, а

имя Языкова останется навсегда в русской литературе в числе имен милых, умных и даровитых поэтов.

Печатается по: Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1847. № 20. 25 янв.

¹ Эдуард Иванович Губер (1814–1847) – поэт и переводчик.

² Имеются в виду «С.-Петербургские ведомости», издателем которых являлась Академия наук.

³ См.: *Шевырев С.П.* Николай Михайлович Языков // Московский городской листок. 1847. № 6, 7.

⁴ Так, еще в 1824 г. в «Литературных листках» Булгарин писал: «Гений Пушкина обещает много для России; мы бы желали, чтоб он своими гармоническими стихами прославил какой-нибудь отечественный подвиг» (№ 1. С. 25). В 1830 г. в рецензии на VII главу «Евгения Онегина» он развил эту мысль: «Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился на Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов – и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... *Сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину*» (Северная пчела. 1830. № 35. 22 марта).

⁵ В своих «Воспоминаниях» Булгарин не успел написать об этом.

⁶ Александр Дмитриевич Хрипков (1799–?) изучал военные науки в Дерпте, потом служил в армии, вышел в отставку в чине лейтенанта и поселился в Дерпте. Ср. о нем: «Это был человек, в известном отношении, не от мира сего. Он – орловский помещик, роздал свое имение родственникам, сделался артистом (в значении – “человеком искусства”. – *А.Р.*); уехал в Дерпт на несколько времени и оставался тут 20 лет; доходил иногда до того, что нуждался в мелочах, но был со всеми знаком, всеми любим, хотя ни у кого не заискивал и всем за взятое отплачивал или своими артистическими произведениями, или своею дружескою компаниею» (*Пирогов Н.И.* Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Сочинения. Киев, 1910. Т. 2. С. 610–611).

⁷ Николай Алексеевич Иванов (1811–1869) – историк. Учился в Казанском университете, завершил обучение в профессорском институте в Дерпте (1833–1839). Проф. русской и всеобщей истории в Казанском университете (1839–1855), проф. русской истории в Дерптском университете (1856–1859). Булгарин имеет в виду свою книгу «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837), две части которой, посвященные статистике, он писал при участии Н.А. Иванова.

⁸ Булгарин приобрел имение Карлово под Дерптом в 1828 г.

⁹ Языков жил в Дерпте 7 лет, с 1822 по 1829 г.

¹⁰ Булгарин писал о Языкове как о «человеке с необыкновенным дарованием», находил в его стихах «глубокое чувство и свежесть мыслей» (Прогулка по Ливонии // СП. 1827. № 75) и поместил в «Северной пчеле» три его стихотворения (1825. № 60; 1827. № 19; 1828. № 49). Об их взаимоотношениях см.: Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913, по указ.

¹¹ Булгарин имеет в виду следующие издания Языкова: Стихотворения. СПб., 1833; Новые стихотворения. М., 1845.

¹² Перепечатка стихотворения Языкова не прошла Булгарину даром. В конце января 1847 г. Н.И. Греч писал Булгарину: «У меня был Л.В. Дубельт» и объявил, что приведение стихов Языкова о Лифляндии принято было с неудовольствием, потому что теперь не время на такие выходки» (Наша старина. 1916. № 1. С. 70). Замечание было сделано несмотря на то, что стихотворение печаталось отнюдь не в первый раз: впервые оно было опубликовано в альманахе «Мнемозина» (1825), затем входило в сборник стихотворений Языкова 1833 г.

¹³ Стихотворение Языкова 1822 г.

¹⁴ Имеется в виду стихотворение «Воспоминание об А.А. Воейковой» (1831). Александра Андреевна Воейкова (урожд. Протасова; 1795–1829) – жена А.Ф. Воейкова, племянница В.А. Жуковского; Языков в Дерпте был влюблен в нее.

¹⁵ Богдан Андреевич Гермес (1755–1839) – тобольский (с 1801) и пермский (с 1806) губернатор, сенатор (1817), главный директор Межевой канцелярии (1823–1833).

¹⁶ Этот пост занимал тогда Д.В. Дашков.

¹⁷ Неточно цитируется стихотворение И.И. Дмитриева «Эпитафия» («Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах...», 1803).

¹⁸ Булгарин имеет в виду В.Г. Белинского, который в 1840-е, после сближения Языкова со славянофилами, неоднократно негативно отзывался о его творчестве. В статье 1842 г. «Русская литература в 1841 году» он писал, что Языков «утратил даже свой звонкий и разгульный стих» и у него «не сорвалось с пера ни одного русского слова, ни одного русского выражения, на которые отозвалась бы русская душа или в котором отозвалась бы русская душа» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 561). В том же 1842 г. в рецензии на «Стихотворения Полежаева» он писал, что это стихотворец, «ошибочно провозглашенный поэтом» (Там же. М., 1955. Т. 6. С. 124). В статье «Русская литература в 1844 г.» (1845) Белинский даже утверждал, что «в эстетическом отношении общий характер поэзии г. Языкова чисто риторический, основание зыбко, пафос беден, краски ложны, а содержание и форма лишены истины» (Там же. М., 1955. Т. 8. С. 459).

[А.И. ДЕЛЬВИГ]

В № 1 «Современника» на 1854 год бросилось мне в глаза прежде всего: «Дельвиг, статья третья. Соч. В.П. Гаевского»¹. Мы вовсе не знаем почтенного автора этой статьи, но из существа ее заключаем, что он писал по слухам и по известиям, напечатанным в современных журналах, но сам не находился в литературном кругу той близкой к нам эпохи, которую описывает, и потому можем смело сказать, что эта *блистательная эпоха* нашей литературы представлена автором в не надлежащем свете, а действовавшие в ней лица поставлены вовсе не на тех местах, которые они занимали в литературном кругу². Удивляюсь только терпению и трудолюбию автора, который перечитал множество журналов, хрестоматий, альманахов и т.п. для составления своей статьи! Труд истинно исполинский! Скажу вкратце мое мнение об этом труде.

Барон Антон [Антонович] Дельвиг, воспитанник Императорского Царскосельского лицея³, был очень добрый малый, веселый собеседник приятельских пирушек, человек с талантом, хотя и весьма ограниченным, и главное — задушевный друг *первого русского поэта* А.С. Пушкина, друг и товарищ Пушкина от детства, по лицу. Эта дружба, которую со стороны Пушкина можно назвать даже слабостью, доставила Дельвигу известность в литературном кругу и некоторое значение в современной литературе. Но как о поэте, о Дельвиге можно только приятно вспомнить в истории литературы. Мелочные его стихотворения написаны гладко, как и все, что тогда выходило из-под пера современников Пушкина, но не заключают в себе ни глубоких мыслей, ни сильных ощущений, ни ярких картин. Песенки, послания, куплеты, эпиграммы и другие стихотворения Дельвига — мелкие вкусные конфеты, но не крепительная пища для ума и сердца. Такую огромную и старательную статью можно было бы написать только о Карамзине, Державине и т.п., а не о бароне Дельвиге, которого все, знавшие его лично, приятно вспоминают как доброго и умного человека, но вовсе не как гениального поэта, которого, так сказать, каждый шаг, каждое движение, каждое слово дорого для потомства. В этом невольно сознается и сам автор статьи (на стр. 12). Излагая содержание письма Пушкина к Дельвигу, автор статьи говорит: «Он (т.е. Пушкин) называет Дельвига талантом прекрасным и *ленивым*⁴, спрашивает, долго ли он будет шалить и разменивать свой гений “на серебряные четвертаки”^{*}, и, находя, что поэзия мрачная,

^{*} Эти *серебряные четвертаки* составляют всю сущность произведений барона Дельвига. Нет ни одного червонца!

богатырская, сильная, байроническая – истинный удел Дельвига, – *заблуждение, объясняемое только пристрастием дружбы**, – советует ему написать своего “Монаха”⁵, умертвить в себе ветхого человека, но не убивать вдохновенного поэта⁶. – В примечании к стр. 15 автор статьи говорит: «Оговорка эта может служить доказательством равнодушия Пушкина к журнальным мнениям». Утверждаю, на основании личного знакомства с Пушкиным и целой кипе его писем ко мне, что никто более Пушкина не дорожил и не огорчался журнальным мнением! На меня, нижеподписавшегося, который находился в литературном кругу тогдашней эпохи и бывал во всех домах, где собирались литераторы⁷, автор статьи ссылается *много раз*, т.е. на мои напечатанные рассказы⁸, однако ж я должен сказать, что литературное общество у А.Ф. Воейкова⁹ описано иначе нежели как было, и лица, которые, по словам автора статьи, украшали собою вечера А.Ф. Воейкова, в то время вовсе ничего не значили ни в свете, ни в литературе. Литературное общество у С.Д.П.¹⁰, которое автор статьи поставляет *рядом* с собраниями у Карамзина, А.Н. Оленина¹¹ и Александры Андреевны¹² Воейковой (олицетворенной музы!), – принадлежало к задней шеренге, или, как написал Воейков, к 15 классу¹³. Там не бывал даже ни один журналист, кроме А.Е. Измайлова! Автор статьи, весьма часто ссылаясь на *меня*, нижеподписавшегося, весьма не благоволит к моему слабому дарованию. Доказательства *везде*, и особенно на 33-й стран[ице], в примечании. Приводя сонет Дельвига к С.Д.П. при посылке сочинения Булгарина «Воспоминания об Испании»¹⁴, автор статьи говорит в примечании: «В “Полярной звезде”, во “Взгляде на русскую словесность” в течение 1823 года, напечатано (стр. 4–5) несколько слов о сочинении г. Булгарина, доказывающих, что оно имело в *свое время* (!!!) *некоторый успех, благодаря новости предмета и легкости изложения*». Это говорит автор статьи. Благодарю его покорно! Не желаю я большего для современной брошюры, как *легкости* в изложении и *современного успеха*, а статье о Дельвиге – предоставляю бессмертие и вечное торжество, как «Илиаде» Гомера! Каким образом автор статьи помещает Батюшкова в число деятелей литературной эпохи с 1819 до 1825 года, когда он совершенно уже исчез с литературного поприща¹⁵, и каким образом издание альманахов «Полярная звезда» и потом «Северные цветы» приписывает *упадку* тогдашних журналов и *разладу* их с ходом тогдашней литературы?? Все это совершенно несправедливо.

В басне А.Е. Измайлова «Слон и собака» стихи Крылова:

* Это говорит автор статьи о Дельвиге.

...в родню хоть толст
Да не в родню был прост¹⁶,

вовсе не намек на барона Дельвига, как утверждает автор статьи. Я знаю, на кого этот намек¹⁷ — но не имею нужды объясняться. На стр. 42 напечатано: «*постоянным и желанным* гостем (т.е. у Александры Андреевны Воейковой) был В.А. Жуковский, *встретившийся* (?!?) с ней еще в Дерпте, в 1815 году, и посвятивший ей свою “Светлану” и несколько других стихотворений». — Замечу автору статьи, что В.А. Жуковский не *встретился* в Дерпте с Александрой Андреевной Воейковой, но *нарочно приехал жить в Дерпт*, в котором А.Ф. Воейков был профессором русской литературы в тамошнем университете. В семье А.Ф. Воейкова жила его теща, Катерина Афанасьевна Протасова (урожденная Бунина), сестра Жуковского, и другая дочь ее, Мария Андреевна Протасова, вышедшая замуж за профессора Мойера¹⁸. Когда А.Ф. Воейков поселился в Петербурге, В.А. Жуковский был не *гостем* у него, а жил в одной квартире¹⁹. На стр. 16 статьи, в примечании, между прочим напечатано: «Опечатки, обесмыслившие эти два стихотворения, так беспокоили Пушкина, что он просил г. Булгарина поместить их в надлежащем виде в издававшихся г. Булгариным “Литературных листках”, где оба стихотворения и были напечатаны в 1824 году, № IV, стр. 134 и 135. Они были доставлены г. Булгарину при письме Пушкина от 1 февраля 1824 года из Одессы²⁰. Это *неизданное и любопытное письмо* было сообщено нам в *копии*, но мы не считаем себя вправе напечатать его теперь, не имея на то согласия г. Булгарина». — Возражаю во всеуслышание: А.С. Пушкин писал письма всегда в *один присест, наскоро* и никогда не оставлял у себя копий этих мимолетных импровизаций. Я же никому не давал копий с письма ко мне Пушкина. Каким образом копия письма Пушкина ко мне могла попасть к сочинителю статьи о Дельвиге?!? Меня же, Ф. Булгарина, никто не спрашивал о подлинности письма и о позволении напечатать его! Иной подумает, будто меня спрашивали, а я отказал. У меня находится в собрании автографов целый пук писем А.С. Пушкина²¹, из которых я и напечатаю некоторые, если Господу Богу угодно будет продлить жизнь мою до того тома моих «Воспоминаний», в котором будут изложены литературные мои отношения. Оканчиваю мое суждение о статье о Дельвиге.

Печатается по: Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 12. 16 янв.

¹ Виктор Павлович Гаевский (1826–1888) — юрист, критик, историк литературы. Цикл его публ. о Дельвиге состоит из четырех статей (Современник. 1853. № 2, 5. 1854. № 1, 9).

² А.А. Дельвиг в 1821–1822 гг. часто встречался с Булгариным на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, бывал у него дома (см.: *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 371, 375, 379; *Вацуро В.Э.* С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 105, 134), в 1823 г. поместил в булгаринских «Литературных листках» (№ 4) стихотворение «На выпуск птички». В июне 1824 г. конфликт между Булгариным и Дельвигом чуть не завершился дуэлью, с этих пор Дельвиг отзывался о литературной деятельности Булгарина резко негативно (см. его письмо П.А. Вяземскому от 10 сентября и письмо Пушкину от 28 сентября 1824 г.: *Дельвиг А.А.* Соч. / Изд. подгот. В.Э. Вацуро. Л., 1986. С. 284, 286). Личные отношения Булгарина и Дельвига были восстановлены в январе 1825 г., но ненадолго. В «Литературной газете» Дельвиг поместил отрицательные рецензии на «Димитрия Самозванца» (1830. № 14; без подписи) и на немецкий перевод «Ивана Выжигина» (1830. № 34), а также ряд других антибулгаринских публикаций.

³ В конце 1826–1827 г. Булгарин представил в III Отделение записку «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оною», в которой определял лицейстов как сбившихся с пути фрондеров (см.: *Видок Фиглярин.* С. 104–111).

⁴ Курсив в цитатах здесь и далее Булгарина.

⁵ «Монах» – поэма, которую собирался написать Дельвиг (замысел не был осуществлен).

⁶ Цитируется письмо Пушкина Дельвигу от 23 марта 1821 г.

⁷ В другом своем фельетоне Булгарин писал: «В начале моего деятельного участия в русской литературе, т.е. с 1820 года, в Петербурге во многих домах были общества, в которые приглашались писатели, обратившие на себя внимание, художники и артисты. Припомню петербургским старожилам дом государственного секретаря, президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, Алексея Николаевича Оленина, у которого собирались на вечер каждое воскресенье, дом русского историографа Николая Михайловича Карамзина, который был открыт каждому знакомому ему, ежедневно, в девять часов вечера. Графиня Софья Владимировна Строганова (урожденная княжна Голицына) и государственный канцлер граф Н.П. Румянцов приглашали также, довольно часто, литераторов и художников на обеды и вечера. Умалчиваю о других собраниях. Во всех этих обществах не играли в карты, а беседовали о литературе, художествах и изящных искусствах. Многие в этих литературных беседах научились тому, чему никогда бы не научились иным образом. Более прочих обществ имело влияние на литераторов и художников общество у Алексея Николаевича Оленина, которого память непременно сохранится в истории литературы лучшей ее эпохи. Он ободрял литераторов в их трудах, советовал им и принимал даже отеческое участие в их судьбе. Добрый, благородный, умный, незабвенный муж в истории просвещения России! – Недостатком всех этих русских литературных обществ в двадцатых годах был недостаток в них дам, которые бы

принимали сердечное участие в русском языке и в русской литературе. Недоставало только женщин для упрочения этого стремления к высокой цели, потому что без женщин *изящное* и *прекрасное* может только появляться вроде метеора, но не утверждаться в гражданском быту» (Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 256. 13 нояб.).

⁸ В.П. Гаевский не раз цитирует булгаринский мемуар «Встреча с Карамзиным».

⁹ Литературные собрания у А.Ф. Воейкова начались в 1822 г., на них бывали В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич, Н.М. Карамзин, И.И. Козлов, И.А. Крылов, П.П. Плетнев, В.А. Перовский, Дельвиг и др.

¹⁰ Имеется в виду С.Д. Пономарева. Ее салон возник в середине 1810-х гг. и просуществовал до ее смерти в 1824 г. Его посещали Гнедич, Крылов, А.Е. Измайлов, П.А. Катенин, Н.И. Греч, Баратынский, Дельвиг, О.М. Соменов, В.И. Панаев, М.Л. Яковлев, К.Ф. Рылеев. См.: *Вацуро В.Э. С. Д. П. [...]* М., 1989.

¹¹ Салон Карамзиных в конце 1810-х – 1830-е гг. посещали Жуковский, Вяземский, Батюшков, А.С. Пушкин, А.И. Тургенев, Воейков, Гнедич, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков, В.П. Титов и др. Салон А.Н. Оленина существовал в 1810–1830-х гг. Его посещали Крылов, Гнедич, Пушкин, Батюшков, Вяземский, А.С. Грибоедов, В.А. Озеров, Греч, А.А. Шаховской и др. В другом месте Булгарин вспоминал про «бывшего государственного секретаря, президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, Алексея Николаевича Оленина, мужа ученого, знатока и любителя литературы и всего изящного. Дом покойного Алексея Николаевича был дом патриархальный, в полном значении слова; каждое воскресенье он принимал у себя, по вечерам, ученых, литераторов, художников и всех любителей изящного. В доме его бывали и Карамзин, и Жуковский, и Пушкин, и Крылов, и Гнедич, словом, все деятели, большие и малые, тогдашней знаменитой литературной эпохи. Добрый и благородный Алексей Николаевич призрел и меня, в начале моего литературного поприща, весьма часто руководствовал мудрыми своими советами, при издании “Северного архива”, и первый одобрил мои труды в изящной словесности. Пока будет биться во мне сердце, не иссякнет в нем благодарность к этому почтенному мужу, и я об нем буду говорить пространнее в отрывках из моих “Воспоминаний”. Супруга Алексея Николаевича Оленина, Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая, была олицетворенная доброта, и все их семейство обходилось с посетителями чрезвычайно ласково и предупредительно» (Ф.Б. Дорожные впечатления // СП. 1854. № 33. 10 февр.). Подробнее о салоне Оленина см.: *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. О петербургских салонах см. также: Муравьева И. Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга. СПб., 2008.

¹² У Булгарина – Федоровны, что является явной опiskeй, поскольку далее в этом же тексте он правильно указывает отчество Воейковой.

¹³ То есть было за рамками таблицы о рангах, включавшей 14 классов. Вероятно, речь идет о стихотворении Баратынского, Дельвига и др. «Певцы 15-го класса» (1822), в котором высмеяны В.И. Панаев, Н.Ф. Остолопов, О.М. Сомов, М.Е. Лобанов и др. См.: *Баратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 160–162.

¹⁴ См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. Речь идет о стихотворении «С. Д. П[ономарев]ой при посылке книги “Воспоминание об Испании”, соч. Булгарина», опубликованном в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.

¹⁵ В конце 1818 г. Батюшков уехал на службу в Италию, а после возвращения в 1822 г. у него обострилось психическое заболевание, от которого он в дальнейшем уже не излечился.

¹⁶ У Измайлова в басне «Слон и собаки» (1824): «...в родню хоть толст, / Да не в родню, быть может, прост». Измайлов обыгрывает слова из басни Крылова «Слон на воеводстве» (1808): «...в родню был толст, да не в родню был прост».

¹⁷ В басне намек на самого Измайлова. Об истории басни см. фрагмент [А.Е. Измайлов].

¹⁸ Екатерина Афанасьевна Протасова (урожд. Бунина; 1770–1848) – сводная сестра В.А. Жуковского. Мария Андреевна Протасова (1793–1823) – дочь Е.А. Протасовой, жена И.Ф. Мойера. Жуковский был влюблен в нее, но попытки его вступить с ней в брак не имели успеха. Иван Филиппович Мойер (1786–1858) – ординарный профессор хирургии в Дерптском университете (1815–1836); ректор университета (1834–1835).

¹⁹ Общую квартиру на Невском проспекте в доме Меншикова Жуковский и семья Воейкова снимали в 1822–1826 гг.

²⁰ Письмо Пушкина см.: *Пушкин.* Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 13. С. 85.

²¹ В другом месте Булгарин писал о письмах Пушкина следующее: «Я был журналистом в то самое время, когда А.С. Пушкин писал много и иногда необдуманно. Хвалил я его всегда, как первоклассного поэта, но позволял себе некоторые замечания. Имею собственноручные письма А.С. Пушкина, что он благосклонно ценил мои замечания, и скажу более, даже дорожил моим мнением, но, прислушиваясь к разным литературным сплетням, часто гневался, что и доказывается пасквильными его выходками» (СП. 1858. № 20. 25 янв.). Помимо письма, упомянутого в предыдущем примечании, известна только одна записка Пушкина Булгарину от ноября 1827 г. (см.: *Пушкин А.С.* Указ. соч.. С. 346).

[П.А. КАТЕНИН]

...мы весьма благодарны П.А. Плетневу за сообщение биографий литераторов в Известиях Императорской академии наук, по Отделению русского языка и словесности. В том III, на листах 1, 2 и 3,

помещены *биографические записки* о трех членах академии по Отделению русского языка и словесности: о бывшем министре народного просвещения князе Платоне Александровиче Ширинском-Шихматове¹, о Петре Александровиче Катенине (отставном генерал-майоре) и о корреспонденте Модесте Андреевиче² Резвом, инженер-полковнике и вице-директоре Строительного департамента Морского министерства. Литературные труды князя П.А. Ширинского-Шихматова, хотя и похвальные, не имели влияния на ход и направление современной литературы, а о служебной его деятельности по части Министерства народного просвещения я не имею права говорить, тем более, что все похвальное высказано в краткой его биографии. Модест Андреевич Резвой усердно содействовал к полноте Словаря русского и церковнославянского языка³ объяснением и составлением музыкальных терминов, вовсе не участвуя в движении русской литературы. Петр Александрович Катенин в свое время действовал усердно в литературе и драматургии и имел сильное влияние на литературу драматическую, и потому я останавливаюсь на нем, с замечанием, что все три упоминаемые здесь литератора начали свое поприще в военной службе.

П.А. Катенин родился 11 декабря 1792 года, скончался в деревне своей, в Костромской губернии, 23 мая 1853 года, на *шестьдесят первом* году своей жизни. В 1810 году он поступил из гражданской службы в военную портупей-прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк и после десятилетней примерной службы произведен в том же полку в полковники, на *двадцать девятом* году жизни. Он отличался храбростью в сражениях при Бородине, Люцене, Баушене, Кульме и Лейпциге⁴, и достиг бы, без сомнения, высоких чинов, если б непрерывно продолжал военную службу. Но непреодолимая страсть к литературе отвлекла его, в мирное время, от военной службы⁵. Он был самою природою создан поэтом, одарен самою счастливою памятью, живым воображением и тонким вкусом изящного. Поэты и некоторые писатели славного Карамзинского периода⁶ составляли его общество в отставке, и главное занятие его было драматическая литература. П.А. Катенин перевел стихами из Расина «Эсфирь»⁷, и в этой трагедии играли еще две драматические наши знаменитости Яковлев и Семенова (Катерина Семеновна)⁸. Из Расина же он перевел «Баязета», из Корнеля «Сида» и четвертое действие «Горациев». Для комической сцены переведены П.А. Катениным «Les fausses confidences»⁹ из Мариво (под русским заглавием «Обман в пользу любви»), «Le méchant» Грессета¹⁰, под заглавием «Сплетни», и три комедии: «Недоверчивый», «Говорить правду, потерять дружбу» и «Нечаянный заклад»¹¹. Из собственных сочинений П.А. Кате-

нина для театра известны: «Андромаха», трагедия в пяти действиях в стихах, «Пир у Иоанна Безземельного», пролог к драме князя А.А. Шаховского «Иваноз»¹². Без всякого сомнения, эти литературные труды составляют большую заслугу в литературе, но, как справедливо замечает П.А. Плетнев (стр. 23): «Важнейшая заслуга его драматическому искусству в России состояла в образовании знаменитого Каратыгина, с которым он во всю жизнь оставался в дружеских сношениях». Разумеется, таланты от Бога, но талант требует возделания, как все усовершенствованное в природе. Дикая природа может быть хороша, но в приятных искусствах и художествах талант требует возделания и образования. Покойный Василий Андреевич Каратыгин сам сознавался своим приятелям, что он, под руководством П.А. Катенина, прошел наново и с большою пользою русскую грамматику, риторiku и пиитику, весь курс декламации, научился, по указаниям П.А. Катенина, писать стихи, и по его совету стал изучать в истории характеры тех лиц, которые надлежало представлять на сцене¹³. Повторяю с П.А. Плетневым: большая заслуга! Десять лет прожил П.А. Катенин в своей деревне, в уединении, с своими книгами и идеями, начал писать комедию «Вражда и любовь», которая осталась неконченою¹⁴, и в это же время написал «Размышления и разборы», которые помещены в «Литературной газете», издававшейся бароном Дельвигом, в 1830 году¹⁵. В этой статье изложены замечания: 1) об изящных искусствах, о поэзии вообще и о поэзии еврейской; 2) о поэзии греческой; [3) о поэзии латинской;] 4) о поэзии новой; 5) о поэзии итальянской; 6) о поэзии испанской и португальской и 7) о театре. П.А. Катенин знал языки французский, немецкий, итальянский, испанский и латинский. П.А. Плетнев в своем биографическом очерке (стр. 23) говорит: «В числе немногих из писателей наших он рано почувствовал необходимость пользоваться в языке русском теми разнообразными красками, которые сообщаются ему искусным слиянием наречий старинного и нового, книжного и устного». В этой краткой статейке я вовсе не намерен разбирать, *необходимо* ли, для разнообразия современной речи, употреблять *старинные* слова и старинное *книжное* наречие. По моему мнению, давно уже изложенному, старинная русская письменность есть подражание церковному языку, созданному из наречий болгарского и сербского. Таким языком никогда не говорили на Руси, и это был язык *условный*, или *книжный*. Каждый писатель, в старину, умышленно старался отдаляться от изустного наречия и приближаться к языку *книжному*, или *условному*, составленному южными и юго-западными славянами. Это был обычай. По моему мнению, в нынешнее время должно писать так, как *правильно* (NB *правильно*

но!) говорится на великороссийском наречии. Так писали Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Пушкин и лучшие наши поэты и прозаики. И поэтому многие из русских писателей, современных П.А. Катенину, не соглашались с ним насчет введения старинных слов и оборотов, находящихся в церковных книгах и старинных русских летописях, в новый русский гражданский язык. Вот и вся причина литературных недоразумений и распрей, по случаю выхода в свет, в 1832 году, «Сочинений и переводов» П.А. Катенина, в двух частях. В этом собрании помещены: 1) «Пир у Иоанна Безземельного»; 2) отрывок из комедии «Вражда и любовь»; 3) четвертое действие из трагедии «Горации», четвертое действие из трагедии «Медея», рассказ Терамена из «Федры», три отрывка из «Гофолии». Прочих переводов П.А. Катенина и собственных его сочинений, прежде изданных, равномерно как и прозы его, нет в этом собрании сочинений, и потому издание неполное¹⁶. На счет содержания пьес П.А. Катенина никогда не было спора, и все в этом отношении признавали их достоинство. Спорили только о словах, т.е. о введении старинных или устарелых слов в новый русский гражданский язык, признавая заслуги П.А. Катенина в русской литературе и отдавая полную справедливость его полезной деятельности. В 1833 году Императорская Российская академия (которой председателем был известный любитель и поборник церковного языка и вообще всех славянских языков адмирал Александр Семенович Шишков) избрала П.А. Катенина в число своих действительных членов, и он в том же году вступил снова в военную службу и отправился на Кавказ, поступив в Эриванский карабинерный полк. В 1836 году он назначен был комендантом в крепость Кизляр, и чрез два года вышел в отставку с чином генерал-майора и поселился снова в своей деревне, где и кончил свою полезную и трудолюбивую жизнь, в продолжение которой заслужил почетное имя и в военной службе, и в русской литературе.

По смерти П.А. Катенина один из близких его родственников сообщил мне его стихотворение, написанное незадолго до его кончины. Это была *элегия*, в которой покойный, описывая старое дерево, уже лишшающееся жизненных сил, намекал на свое положение. Я намеревался напечатать это прекрасное стихотворение в «Северной пчеле», но желал при этом сообщить биографические известия о жизни поэта и потому обратился к его старинному другу, В.А. Каратыгину. Он взял у меня стихотворение покойного П.А. Катенина, обещал собрать все материалы для его биографии, но этим и кончилось дело! Занятый своею службою, В.А. Каратыгин не мог в скором времени удовлетворить моего желания — я ждал, а между тем умер, почти внезапно,

и В.А. Каратыгин! Прекрасное стихотворение не отыскано в бумагах покойного¹⁷. Искренно сожалея о потере этого стихотворения, я чрезвычайно благодарен П.А. Плетневу за биографический очерк П.А. Катенина, доставляющий мне случай выразить мое искреннее уважение к писателю, любившему пламенно русскую литературу и оказавшему ей значительные услуги. П.А. Плетнев в своем биографическом очерке упомянул о твердом и благородном характере П.А. Катенина, о его живом воображении (стр. 22) и сказал, что «он был поэт не только в стихах, но и в разговорах и в действиях». Все это совершенно справедливо. П.А. Катенин был честен и благороден во всех своих поступках, храбр в боях, приятен в беседах, но иногда пламенное воображение увлекало его в литературных спорах, когда пытались опровергнуть его литературное мнение на счет так называемой классической литературы, которой он строго придерживался, и на счет русского языка, в который он желал ввести старинные формы и устаревшие слова. Впрочем, П.А. Катенин никогда не переступал за черту вежливости и деликатности, которыми отличается человек благовоспитанный. Словом, П.А. Катенин оставил по себе память на трех поприщах, на которых он действовал, память храброго и расторопного офицера, отличного литератора, честного человека и доброго помещика. Этого довольно!

Печатается по: *Ф.Б. Журнальная всякая всячина* // СП. 1854. № 175. 7 авг. – Отклик на академические некрологи, представленные П.А. Плетневым в «Отчете» по II Отделению имп. АН за 1853 г. (читан в публичном собрании АН 29 декабря 1853 г.); помимо Известий ОРЯС опубликовано также: Журнал Мин-ва народного просвещения. 1854. Т. 81. Отд. III. С. 47–58 (о Катенине: с. 53–56). Подобные некрологи литераторам и ученым П.А. Плетнев составлял ежегодно, предполагалось собрать их в 4-й (не вышедший) том его Сочинений.

¹ Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853), князь – товарищ министра народного просвещения в 1842–1850 гг., с 1850 г. и до смерти – министр народного просвещения; поэт, член Российской академии. Поместил в «Северной пчеле» «Отрывок из похвального слова императору Александру Благословенному» (1832. № 14) и стихотворение «Надпись к Александровской колонне» (1834. № 193).

² Отчество инженера, члена-корреспондента Академии наук и музыканта-любителя М.Д. Резвого (1806–1853) в некрологе Плетнева указано верно: Дмитриевич.

³ См.: *Словарь церковнославянского и русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

⁴ Булгарин перечисляет сражения между армией Наполеона и войсками антинаполеоновской коалиции: при Люцене (городок в 20 км к юго-западу от Лейпцига) 2 мая 1813 г., при Бауцене (город в Саксонии) 20–21 мая 1813 г., под Кульмом (местечко в Богемии в 40 км к югу от Дрездена) 29–30 августа 1813 г., под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г. (все даты даны по новому стилю).

⁵ П.А. Катенин писал своему другу Н.И. Бахтину в 1829 г.: «Однажды навсегда жребий мой брошен, по грехам моим — я литератор; службу я оставил, кажется, навсегда, богатства у меня едва достает, чтобы с горем, скукой и нуждой жить, семейства я не имею, стало живейшие мои желания и чувства обращены на один предмет, на приобретение некоторого уважения и похвалы, как писатель, при жизни и по смерти» (Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. СПб., 1911. С. 163). Причиной отставки Катенина в 1820 г. стал его конфликт с вел. кн. Михаилом Павловичем; за фрондерство в 1822 г. Катенин был выслан из Петербурга.

⁶ Начатый Карамзиным период русской литературы Булгарин именовал Карамзинским, включая в него творчество Грибоедова и Пушкина и оканчивая его Лермонтовым (см.: *Ф.Б. Журнальная всякая всячина* // СП. 1856. № 100. 5 мая). Булгарин полагал, что «в последние годы царствования императрицы Екатерины II и в царствование императора Александра I сделано все возможное по части филологии и эстетики, чтоб утвердить и упрочить правила русского языка и составить легкую, выразительную прозу и блистательное стихосложение. И прежде, и теперь [в 1854 г.], если писатель желал нравиться умным, благовоспитанным и образованным людям, то должен был приближаться в чистоте и правильности слога и языка, в прозе к Карамзину, в стихах к Жуковскому и Пушкину. Это были и суть наши первообразы (прототипы) слога и языка» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б. // Северная пчела. 1854. № 4. 7 янв.).

⁷ См.: *Расин Ж.Б.* Есфирь: Трагедия из священного писания / Пер. с фр. [в стихах] Павел Катенин. СПб., 1816. В этом же году пьеса была поставлена в Петербурге.

⁸ Алексей Семенович Яковлев (1773–1817) — актер-трагик; Екатерина Семеновна Семенова (в браке кн. Гагарина; 1786–1849) — актриса.

⁹ «Ложные признания» (*фр.*).

¹⁰ «Злой» (*фр.*). Автор пьесы — французский поэт и драматург Жан-Батист-Луи Грессе (1709–1777).

¹¹ См.: *Корнель П.* Сид: Трагедия. СПб., 1822; *Мариво П.К. де Ш.* Обман в пользу любви: Комедия в 3 д. СПб., 1827; *Катенин П.А.* Сплетни: Комедия в трех действиях в стихах; подражание Грессетовой комедии: *Le Méchant*. СПб., 1821; *Говорить правду, потерять дружбу: комедия в 1 д.* Соч. Мариво. Переделанная с фр. П.А. Катениным // *Букет: карманная книжка для любителей и любительниц театра на 1829 год.* СПб., 1829. С. 1–74. «Баязета» Расина Катенин переводил вместе с А.А. Жандром, перевод не был опубликован и рукопись не сохранилась; «Горацийев» П. Корнеля он перевел с Чепеговым, А.А. Жандром, А.А. Шаховским. Пьеса была поставлена в Петербурге в

1817 г., опубликовано только 4-е действие, переведенное Катениным: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 2. С. 43–56. «Недоверчивый, или Елена и Клерваль» – переделка комедии Ш. Колле «Dupuis et Des Ronais»; «Нечаянный заклад, или Без ключа дверь не отпнешь» – переделка комедии М.Ж. Седена «La gageur impr vue» (две последние пьесы неопубликованы, рукописи хранятся в Санкт-Петербургской театральной библиотеке).

¹² См.: Катенин П.А. Андромаха: Трагедия в 5 д., в стихах. СПб., 1827. Третье действие этой трагедии Булгарин поместил в своем альманахе «Русская Талия». Романтическая комедия А.А. Шаховского «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиного Сердца» по роману В. Скотта «Айвенго» была поставлена в Петербурге в 1821 г. Пролог Катенина к ней «Пир Иоанна Безземельного» был опубликован в: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 1. С. 123–162.

¹³ Булгарин принадлежал к числу приятелей Каратыгина и мог слышать об этом от него. В другом месте он писал: «Страсть к театру была в нем [В.А. Каратыгине], так сказать, врожденная, и отец его, видя в нем сценические способности, устроил домашний театр, на котором Василий Андреевич играл, следуя наставлениям отца. С семейством Каратыгиных был знаком в то время пламенный любитель драматического искусства, известный литератор и переводчик многих театральных пьес Павел Александрович Катенин, служащий тогда капитаном лейб-гвардии в Преображенском полку. Он занялся сценическим образованием Василия Андреевича по господствовавшим тогда формам классической трагедии. Василий Андреевич вышел в отставку, определился на службу в Дирекцию Императорских театров 3 мая 1820 года и в том же году дебютировал в “Фингале”, трагедии Озерова, с большим успехом. <...> Василий Андреевич, пока господствовала на сцене классическая декламация, придерживался наставлений П.А. Катенина, с которым остался дружен до конца своей жизни» (*Булгарин Ф.* Воспоминания о Василье Андреевиче Каратыгине // СП. 1855. № 64. 21 марта). Об отношениях Катенина с В.А. Каратыгиным и его семейством см.: *Каратыгин П.* Записки. Л., 1970, по указ. Катенин был театральным наставником и А.М. Колосовой (с 1828 г. – жена В.А. Каратыгина), письма к которой см.: Русская старина. 1893. № 3, 4; два его письма (1823) к брату Каратыгина Владимиру остаются неизданными (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 250).

¹⁴ Отрывок был опубликован: Катенин П.А. Вражда и любовь: (Из комедии) // Невский альманах на 1830 г. СПб., 1829.

¹⁵ См.: Катенин П.А. Размышления и разборы // Литературная газета. 1830. № 4, 5, 9–11, 19–21, 33, 33, 40–44, 50, 51, 67–72.

¹⁶ Булгарин поместил резко отрицательную рецензию на это издание (СП. 1833. № 97, 98. 3, 4 мая).

¹⁷ Стихотворение, о котором пишет Булгарин, не было обнаружено и в дальнейшем.

Литература

Боратынский Е.А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 3. Ч. 1. 609 с.

Вацуро В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. 416 с.

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.

Дельвиг А.А. Сочинения / Изд. подгот. В.Э. Вацуро. Л.: Художественная литература, 1986. 472 с.

Каратыгин П. Записки. Л.: Искусство, 1970. 352 с.

Катенин П.А. Андромаха: Трагедия в 5 д., в стихах. СПб., 1827.

Рейтблат А.И. Сенковский О.И. // Русские писатели. 1800–1917. Биографич. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 572–580.

Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 1. С. XI–CXII.

Сенковская А.А. Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус): Биографические записки его жены. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1858. 276 с.

Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. 288 с.

References

Boratynskii E.A. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012, t. 3, ch. 1. 609 p. (In Russ.)

Vatsuro V.E. *S.D.P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory* [S.D.P. From the history of the literary life of Pushkin's time]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 416 p. (In Russ.)

Vidok Figliarin: *Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and undercover notes FV Bulgarin in Third Office], izd. podgot. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 703 p. (In Russ.)

Del'vig A.A. *Sochineniia* [Works], izd. podgot. V.E. Vatsuro. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura, 1986. 472 p. (In Russ.)

Karatygin P. *Zapiski* [Notes]. Leningrad, Iskusstvo, 1970. 352 p. (In Russ.)

Katenin P.A. *Andromakha*: Tragediia v 5 d., v stikhakh. Saint-Petersburg, 1827. (In Russ.)

Reitblat A.I. Senkovskii O.I. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biografich. slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], t. 5, Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 572–580. (In Russ.)

Savel'ev P. O zhizni i trudakh O.I. Senkovskogo [On the life and works of O. Senkovsky]. Senkovskii O.I. *Sobr. soch.* [Works]. Saint-Petersburg, 1858. T. 1, pp. XI–CXII. (In Russ.)

Senkovskaia A.A. *Osip Ivanovich Senkovskii (Baron Brambeus): Biograficheskie zapiski ego zheny* [Osip Ivanovich Senkovsky (Baron Brambeus): Biographical notes of his wife]. Saint-Petersburg, tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1858. 276 p. (In Russ.)

Timofeev L.V. *V krugu družei i muz. Dom A.N. Olenina* [In a circle of friends and muses. House of A.N. Olenin]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983. 288 p. (In Russ.)

Bulgarin and Others

1. Bulgarin's Recollections of the Writers (from "Severnaya Pchela")

Abram I. Reitblat

Abstract: F.V. Bulgarin in his voluminous "Memoirs" (1846–1849) didn't come to the period of his own literary and editing activity; however the republished fragments of his recollections – forgotten feuilletons from "Severnaya Pchela" contain information on the Russian writers of the first half of the XIXth century, whom he knew very well. He gives the details and corrections to the biographical publications about them, characterizes their creative work. In the sketches published Bulgarin recollects writers and journalists he knew – Osip Senkovsky, Alexander Izmailov, Anton Del'vig, Nikolay Yazykov, Pavel Katenin.

Keywords: F. Bulgarin, memoirs, literary biography

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Library Russian Art, Moscow, Russia: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru